ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 16 (3045) Четверг, 5 февраля 1953 г. Цена 40 коп.

Быть правдивым и честным!

Советский гражданин!

С гордостью несет это высокое звание наш человек. С гордостью за свою могучую Родину — первую в мире страну победившего социализма, за партию Ленина — Сталина, за великий советский народ — народ-герой, народ-созидатель.

Величайшей гордостью за нашего человека проникнуты сталинские слова, что последний советский гражданин, свободный от цепей капитала, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши, влачащего на плечах ярмо капиталистического рабства.

Советские люди изменились и выросли вместе с теми величайшими преобразованиями, которые в корне изменили облик нашей страны.

Наши люди растут и закаляются в борьбе за коммунизм, растут и закаляются в борьбе с трудностями, на преодолении трудностей. В ходе этой борьбы они выкорчевывают вражеские элементы и очищают советскую землю от подлых наймитов империалистических разведок. В ходе этой борьбы они и сами освобождаются от привычек прошлого, от родимых пятен капитализма, воспитывают в себе высокие моральные качества, в том числе честность и правдивость.

В нашей стране вместе с капитализмом ликвидирован его зверский закон: «человек человеку — волк». Отношения советских людей строятся на основе дружбы народов на основе дружественного сотрудничества и взаимопомощи рабочих, крестьян, интеллигенции. У нас нет классовой почвы для таких пороков, как ложь и обман, характерных для взаимоотношений людей в мире капитализма.

Но из этого вовсе не следует, что наше общество свободно от проявлений этого зла. Опыт революционной борьбы, современная практика опровергают подобный оппортунистический вывод. Есть еще у нас работники, сознание которых не свободно от пережитков прошлого, работники, которые ведут себя по отношению к государству и партии неправдиво, пытаются скрыть действительное положение вещей. Не перевелись еще люди, которые обманывают свой коллектив, свой народ, партию, государство.

Партия, товарищ Сталин учат наших людей быть правдивыми и честными перед государством, перед партией, перед народом. Это качество должно быть в крови каждого советского человека, партийного и беспартийного. Беспартийный следует примеру коммуниста, который обязан, как говорится в Уставе партии, «быть правдивым и честным перед партией, не допускать сокрытия и искажения правды. Неправдивость коммуниста перед партией и обман партии являются тягчайшим злом и несовместимы с пребыванием в рядах партии».

Можно ли сказать, что об этом помнит тот директор завода, фабрики, который, желая похвастать выполнением или перевыполнением плана, делает приписку в отчетности, включая незавершенную продукцию в готовые изделия? Нет, конечно! Наоборот, такой руководитель предприятия стоит перед угрозой скатиться на путь большего обмана, что кое с кем и случается. Прибегнув к очковтирательству по итогам одного месяца, он, чтобы в дальнейшем скрыть первый обман, делает приписку и по итогам второго месяца, и по итогам квартала, и, наконец, возводит очковтирательство в систему своей работы...

Очковтирателем, обманщиком является и тот руководитель, который скрывает от партии и государства истинное положение дел, трудности, возникшие на вверенном ему участке работы, и рисует все в розовом свете, в радужных тонах. Боясь смотреть правде в глаза, такой руководитель не может побороть трудностей, поднять массы на их преодоление. Он и сам равняется по узким местам и кадры ориентирует на то же, то есть мешает нашему движению вперед, сдерживает темпы нашего роста. Оказавшись неспособным выйти из трудностей, такой работник, когда настает время держать ответ за собственную безрукость, ищет новых путей обмана...

Публикуемая в сегодняшнем номере нашей газеты корреспонденция А. Попова «Лжецы и ротозеи» рассказывает, как такими обманщиками государства стали главный инженер шахты № 12 «Наклонная» В. Майкут и управляющий шахтой «Ясиновка» И. Музыкантов. Приписки у этих горе-руководителей вошли в систему. А управляющий трестом «Советскуголь» И. Алексенко по-ротозейски либеральничал со своим нечестным подчиненным. В результате же обмана и ротозейства только шахта «Ясиновка» задолжала государству свыше 16 тысяч тонн угля.

Нам, советским людям, не пристало уходить от правды, ибо правда на нашей стороне. Зато всякая фальшь, всякая попытка любого работника приукрасить подлинное положение дел, уйти от трудностей, обойти молчанием недостатки, — словом, стать на позиции казенного благополучия, должна рассматриваться как вредное и опасное дело.

Начав обычно с малого, с фальши по какому-то частному поводу, и не находя в себе мужества прямо признаться в этом, честно отказаться от сделанной ошибки, такой человек идет дальше — фальшь в малом он прикрывает обманом в большом. И бывает, что, окончательно запутавшись, он становится находкой для вражеской агентуры.

Надо всегда помнить об этом. Помнить для того, чтобы в самом зародыше распознавать малейшую фальшь, каждую попытку свернуть с правильного пути.

Неправдивость перед государством и партией опасна еще и потому, что находятся люди, пытающиеся разговорами о личной честности если не оправдать обман, то, во всяком случае, прикрыть его. Работник, сделавший приписку в отчете о выпущенной продукции, заявляет: позвольте, какой же я обманщик, ведь я это сделал не для себя, а оберегая честь «своего» завода, я же сам — честный человек.

Подобное толкование честности является обывательским, а не партийным, не советским. Честность у нас не только личное, но прежде всего общественно-политическое качество человека. Всякое противопоставление личной и общественной честности — несусветная чепуха, выдумка обманщиков, средство маскировки ими своих неправильных действий. Личная честность в нашей стране не находится в противоречии с общественной честностью. Это две стороны одного и того же ясного и определенного понятия.

Советский патриот правдив и искренен во всем: и в личном поведении, и в отношениях с семьей и с товарищами, и на работе, при выполнении поручений партии и заданий государства. А человек, нечистоплотный в личной жизни, обманывающий семью, друзей, товарищей, не может пользоваться полным доверием на работе.

Высшим критерием поведения, действия человека в нашей стране являются интересы государства. Вот на чем прежде всего проверяются правдивость и честность каждого человека.

Интересы государства — превыше всего!

Товарищ Сталин учит нас быть правдивыми и честными, каким был Ленин. Пусть эти слова великого вождя всегда помнит каждый советский человек, подражая Ленину и Сталину во всем.

80-летие М. М. Пришвина

Сегодня исполняется 80 лет со дня рождения одного из старейших советских писателей Михаила Михайловича Пришвина. В связи с этим президиум ССП СССР обратился к нему со следующим приветствием:

Дорогой Михаил Михайлович!

Президиум Союза советских писателей СССР поздравляет и горячо приветствует вас в день вашего восьмидесятилетия!

Почти полвека вы трудитесь в русской литературе. Ваши книги «В краю непуганых птиц», «Колобок», роман «Кащеева цепь», поэма «Жень-Шень» и сотни созданных вами рассказов и очерков получили широкое признание и любовь советских читателей.

В своих книгах вы открываете читателю красоту и величие русской природы, душевное богатство человека, познающего и переделывающего природу.

Вас заслуженно отметил великий русский писатель Алексей Максимович Горький, завещавший нам учиться у вас бережному отношению к слову.

Вы создали немало отличных книг для детей. Ваша «Кладовая солнца», рассказы из циклов «Лесная капель», «Календарь природы» и «Охотничьи были» — замечательные произведения советской литературы для школьников.

Ваше творчество утверждает жизнь, оно проникнуто любовью к людям нашей социалистической Родины. Ваша книга «Заполярный мед» звучит, как торжественный гимн советскому человеку, покорителю суровой природы Севера.

Ваши произведения, написанные превосходным русским языком, входят в золотой фонд советской литературы.

Сердечно желаем вам, дорогой и глубокоуважаемый Михаил Михайлович, многих лет жизни, доброго здоровья, новых творческих успехов!

Сельские конструкторы машин

В Краснодаре недавно открылась не совсем обычная выставка: на ней демонстрируются сельскохозяйственные машины, созданные кубанскими хлеборобами. Выставлены новые механизмы, предназначенные для разнообразных отраслей колхозного производства. Кроме них, представлены образцы усовершенствованных существующих машин, а также приспособлений к ним. В связи с открытием выставки корреспондент «Литературной газеты» беседовал по телефону с заместителем начальника Краснодарского краевого управления сельского хозяйства тов. В. Никифоровым.

— Участники выставки — сельские рационализаторы и изобретатели, — сообщил он,— это колхозники, комбайнеры, механики, работники машинно-тракторных станций, специалисты сельского хозяйства. Среди них можно назвать молодого колхозника сельскохозяйственной артели имени Калинина, Курганинского района, Михаила Дудко, ныне механика этого колхоза. За последние восемь лет реализовано пятнадцать его рационализаторских предложений. На выставке показана самоходная зерноочистительная машина тов. Дудко.

Заведующий ремонтной мастерской Курчанской МТС Иван Денисенко создал машину для чеканки хлопчатника. Над механизацией этого весьма трудоемкого процесса в хлопководстве он работал более двух лет. Машина заменяет труд 150 человек.

Экспонентами выставки являются: колхозник сельскохозяйственной артели имени Калинина, Ново-Титаровского района, А. Шевцов, механик Белоглинского зерносовхоза Л. Скобцев, комбайнер Вознесенской МТС И. Емельянов, агроном Павловского отделения краевой конторы «Сортсемовощ» И. Вирченко и многие другие.

В Краснодарском крае рационализацией и изобретательством занимаются более 25 тысяч колхозников и механизаторов. На практике осуществляются тысячи их рационализаторских предложений.

— Сколько машин представлено на выставке? Как внедряются они в практику?

— На выставке экспонировано более двухсот образцов сельскохозяйственных машин, орудий и приспособлений. Внимание посетителей привлекают посевные и посадочные машины, разнообразные зерноочистительные агрегаты, машины и приспособления для скирдования соломы и сена, мотылки для арахиса и клещевины, силосный комбайн, агрегат для бурения колодцев, бурав для рытья ям под посадку деревьев и другие.

В конце января в Краснодаре состоялось первое краевое совещание сельских рационализаторов. Выступивший с докладом секретарь крайкома партии тов. Н. Суслов подчеркнул, что несмотря на большой размах рационализаторского движения на Кубани, министерства сельского хозяйства и сельскохозяйственного машиностроения не уделяли должного внимания обобщению опыта новаторов, не отбирали для заводского изготовления лучшие образцы машин и приспособлений. Краевое управление сельского хозяйства, управление хлопководства, тресты совхозов, некоторые научно-исследовательские институты все еще слабо работают с рационализаторами.

Участники совещания осмотрели экспонаты и ознакомились с выводами выставочной комиссии, которая присудила 19 рационализаторам края дипломы первой и второй степени и рекомендовала большинство их конструкций для внедрения в производство.

Вчера в Кремле

Вручение международной Сталинской премии немецкому писателю Иоганнесу Бехеру

Над могучим куполом Свердловского зала Кремлевского дворца ветер развевает широкое красное полотнище. Гордо реет это высоко поднятое знамя в чистом московском небе. Взгляд невольно останавливается на нем, когда смотришь с Красной площади на кремлевские башни. Красное знамя, знамя Ленина — Сталина, знамя великой миролюбивой Советской державы... Сознание того, что там, над куполом, реет этот алый стяг мира, не покидает ни на минуту человека, переступившего порог Свердловского зала Кремлевского дворца. Вчера здесь, в Свердловском зале, состоялось вручение международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» выдающемуся немецкому поэту, известному борцу за мир Иоганнесу Бехеру. При вручении лауреату диплома и медали присутствовали советские писатели, деятели искусства, стахановцы московских предприятий.

Собравшиеся горячо приветствовали Иоганнеса Бехера, поэта-борца, чья мужественная рука вписала много славных страниц в книгу современной немецкой поэзии, борющейся за демократию, за мир, за дружбу между народами. Сложивший много стихов и песен, поднимавших немецкий народ на борьбу за свободу, Бехер является ныне автором гимна Германской Демократической Республики. Всем своим творчеством поэт-антифашист завоевал высокое право — сложить новый гимн новой Германии.

Советским людям творчество Иоганнеса Бехера особенно дорого. Он был первым немецким поэтом, смело поднявшим свой голос в защиту молодой республики Советов, славившим стихами ее рождение. С тех пор Иоганнес Бехер остается верным и неизменным другом СССР.

После оглашения постановления Комитета по международным Сталинским премиям от 20 декабря 1952 года председатель Комитета академик Д. В. Скобельцын поздравил лауреата с наградой и под бурные аплодисменты присутствовавших вручил ему диплом и золотую медаль с изображением И. В. Сталина.

Выступившие затем директор Института мировой литературы им. М. Горького проф. И. И. Анисимов, писатель К. А. Федин, член президиума Антифашистского комитета советских женщин О. А. Хвалебнова и представитель Антифашистского комитета советской молодежи Т. В. Матвеева приветствовали лауреата от имени советских общественных организаций, отмечая его заслуги в развитии демократической культуры Германии, в борьбе за сохранение всеобщего мира, в укреплении дружбы между советским и немецким народами.

С ответной речью выступил лауреат международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» Иоганнес Бехер.

«Высшую награду в моей жизни — присуждение мне международной Сталинской премии мира,—говорит Иоганнес Бехер,— я не могу воспринять иначе, как выражение самого высокого признания, относящегося к немецкому движению за мир, ко всем тем немецким мужчинам и женщинам, которые неустанно, на протяжении ряда лет стремятся сохранить мир своему отечеству. Эта честь, которой мы, все немцы, можем гордиться, обязывает нас еще решительнее и смелее бороться за сохранение мира».

Иоганнес Бехер напоминает слова товарища Сталина о том, что германский и советский народы «обладают наибольшими потенциями в Европе для совершения больших акций мирового значения. Если эти два народа проявят решимость бороться за мир с таким же напряжением своих сил, с каким они вели войну, то мир в Европе можно считать обеспеченным».

«Присуждение международной Сталинской премии мира обязывает нас, — продолжает Иоганнес Бехер, — отдать всю нашу энергию на то, чтобы создать единую, миролюбивую, действительно гуманистическую Германию, которая будет в состоянии выполнить великую историческую задачу века, вытекающую из слов товарища Сталина».

Иоганнес Бехер благодарит советский народ за высокую честь, оказанную немецкому движению за мир. Он говорит о великих стройках коммунизма, характеризуя их, как воплощение всех мирных помыслов, всех мирных деяний человечества и, тем самым, всех самых прекрасных мечтаний немецкого народа. Он заявляет, что Германия сможет возродиться как великая страна лишь в том случае, если она будет бороться за мир в союзе с великой страной мира — Советским Союзом.

Подчеркивая, что новая гуманистическая Германия стала действительностью, Иоганнес Бехер продолжает: «Эта Германия, воплощенная в образе Эрнста Тельмана, — это моя Германия, это миролюбивая Германия, это наша Германия, которая стала Германской Демократической Республикой. Она предстает перед нами многообещающей потому, что это — молодая Германия, Германия молодежи.

Так же, как наш президент Вильгельм Пик является первым за всю историю Германии президентом, ведущим страну по пути мира, так же, как впервые немецким национальным гимном стал гимн мира, мы можем впервые в нашей истории говорить о такой немецкой молодежи, которая с воодушевлением выступает за мир, которая готова с энтузиазмом служить мирному строительству нашей родины, о молодежи, помыслы которой посвящены только одному: жить в мире со всеми народами.

Эта молодежь уже хорошо понимает, что англо-американский империализм — это смертельный враг немецкой нации. Она не закрывает глаза на то, что по вине англо-американского империализма Германия не только расколота, но что значительная часть немецкой земли на Западе, оккупированной англо-американскими войсками, как, например, Пфальц, превращена во вражеский военный плацдарм».

«Мы не замалчиваем, — продолжает Иоганнес Бехер, — всю серьезность военной угрозы, вытекающей из положения в Западной Германии. Нужно снова и снова указывать на тот факт, что правительство Аденауэра лихорадочно вооружается и что военные преступники продолжают играть в Западной Германии свою прежнюю роковую роль. Давно уже не секрет, что там большое количество видных членов нацистской партии засело в важнейших учреждениях. По заданию американских оккупантов в Западной Германии создаются и получают всяческую поддержку со стороны клики Аденауэра различные террористические группы и банды убийц... Мы обязаны также говорить правду о том, что оппозиция социал-демократических лидеров политике перевооружения — это не искренняя, не принципиальная, а ложная борьба, борьба для отвода глаз, направленная на то, чтобы успокоить и ввести в заблуждение массы, которые честно желают мира».

Академик Д. В. Скобельцын вручает Иоганнесу Бехеру диплом и золотую медаль лауреата международной Сталинской премии

Иоганнес Бехер подчеркивает, что англо-американский империализм избрал Германию плацдармом подготовки новой войны против Советского Союза, а немецкой молодежи и бывшим солдатам отвел в третьей мировой войне роль наемников, которые будут принесены в жертву ради интересов клики поджигателей войны с Уолл-стрита. Но немецкий народ хочет мира. «И мы поднимаем свой голос во имя мира, — заявляет И. Бехер, — и будем говорить от имени Германии и в Западной Германии, где аденауэровское правительство хочет запретить нам говорить о мире, где оно преследует и объявляет вне закона всех, кто открыто выступает против милитаристского «общего договора».

Заключительные слова Иоганнеса Бехера обращены к советскому народу, к вождю народов товарищу Сталину: «Благодарю тебя, вождь советских народов, тебя, который одержал победу над гитлеровским фашизмом и дал миру возможность жить в мире и свободе. Каждое желание человеческого счастья, каждое желание достойной человека жизни на земле, каждая просьба о мире связаны с именем человека, изображение которого носить на груди я считаю для себя высшей честью. Образ этого великого человека найдет в сердце моего народа такое же место, какое он нашел в моем сердце».

«Да здравствует мир! Да здравствует гений мира! Миру мир! Чтобы ни одна мать никогда больше не оплакивала своего сына...» — так под бурные аплодисменты присутствующих кончает свою речь лауреат международной Сталинской премии Иоганнес Бехер.

РОДИНА МИРА

Иоганнес Р. БЕХЕР

ПРИСУЖДЕНИЕ мне высочайшей награды — международной Сталинской премии мира — привело меня совершенно естественно, и в то же время словно в каком-то волшебном сне, вновь на то место, в ту страну, в тот самый город, где находятся основы всего, что вдохновило меня на труд, который сочли ныне достойным столь высокой оценки.

Голос Великой Октябрьской революции 1917 года в России, ее обращение: «Всем! Всем! Всем!», достиг и меня, считавшего тогда, в дни первой мировой войны, своей миссией поэта призыв к миру и братству народов. Но только Ленин научил меня разбираться в тайной сущности войны, только Ленин указал мне путь, следуя которым можно понять всю правду и стать человеком в полном смысле слова.

Когда я в Германии был обвинен в попытке к государственной измене за опубликование антивоенной книги, на помощь мне пришел Горький. Его протест помешал вынесению мне обвинительного приговора.

То новое, что создавалось в Советском Союзе на протяжении двух последующих десятилетий, входило в мое творчество, и, воспринимая это новое, я по-новому осознал себя как поэт, поднялся на новую ступень духовного роста, впервые понял до конца, в чем состоит задача литературы.

То, что мы, немцы, изгнанные Гитлером в 1933 году из своего отечества, нашли в Советском Союзе, было больше, чем убежище, больше, чем утешение и поддержка. Мы обрели здесь «Родину для Родины», которая дала нам все возможности серьезно задуматься над причинами нашего национального бедствия и тем самым создать предпосылки для возрождения Германии в духе гуманизма, под знаком подлинно демократического обновления.

Десятилетие моего пребывания в Советском Союзе — с 1935 по 1945 год — было плодотворнейшим периодом в моем творчестве. Здесь, вдали от Германии, я, как никогда, стал близок ей; здесь, в Советском Союзе, я впервые по-настоящему открыл для себя великие немецкие гуманистические традиции, которые стали основой моего творчества.

Здесь, в Лаврушинском переулке, в Доме писателей, напротив Кремля, я создавал песни о любимой родине — Германии, воскрешал в стихах великие образы немецкой истории, воспевал немецких героев антифашистской освободительной борьбы. Здесь, в Лаврушинском переулке, слагал я свою «Хвалу Швабии», здесь, по соседству с Третьяковской галереей, открылась для меня духовная сокровищница Гете, здесь я писал сонеты в честь Грифиуса, Баха, Грюневальда, Рименшнейдера и Луки Кранаха.

Дух серьезных научных исследований, окружавший меня в этом городе, глубина и принципиальность литературных дискуссий, в которых мне довелось участвовать, создали ту творческую атмосферу, которой мне всегда недоставало прежде и которая от книги к книге поднимала меня.

Здесь, напротив краснозвездного Кремля, историческая связь и братская взаимозависимость судеб двух народов — советского и немецкого — не только вошли в мое сознание, но стали делом сердца, делом ума, пронизавшим все мое существо, все мое поэтическое я.

И здесь же в Москве мне было суждено пережить вместе со всеми день преступного нападения на Советский Союз. Здесь, выйдя однажды из бомбоубежища, я увидел на горизонте багровый туман от первых налетов нацистской авиации на Москву.

Отечественная война Советского Союза для всех немецких патриотов была одновременно войной против гитлеровского варварства. Мы были счастливы, что нам дали возможность поставить наше творчество на службу этой поистине священной войне; и сегодня находим мы в нашей поэзии следы скорбных и радостных дней, дней, вписанных в летопись Великой Отечественной войны Советского Союза.

«Тяжело сознавать себя немцем», — писал я тогда перед лицом самого глубокого позора и несчастья, которое когда-либо переживала Германия за всю свою историю, перед лицом невиданных преступлений, творимых гитлеровцами на советской земле. Вам, мои дорогие советские друзья, обязан я тем, что вы снова и снова укрепляли во мне веру в то, что эта античеловеческая Германия не является **всей** Германией. Вы всегда поддерживали во мне надежду, что та, другая Германия, освобожденная от гитлеровского господства, вернет Германии честь ее имени.

Сегодня мне хотелось бы вспомнить моего советского друга, переводчика, который поставил перед собой сложную задачу—перевести на русский язык сочинения Фридриха Гёльдерлина, задачу особенно трудную, если представить себе творчество этого поэта. Мой советский друг погиб со стихами Гёльдерлина в бою против гитлеровских варваров. Он боролся не только за Советский Союз, но и за гуманистическую Германию, за мир на всей земле.

Здесь, в Москве, на Красной площади, я услышал залпы салюта, увидел фонтаны ракет в День Победы, после того, как советские армии вступили в Берлин и заставили гитлеровскую армию капитулировать.

На крыльях победы, одержанной Советской Армией, я, так же как и многие немецкие патриоты, обреченные Гитлером на изгнание, возвратился на родину. Вернувшись домой, мы посвятили все свои силы делу демократического обновления Германии.

Живя в Москве в Лаврушинском переулке, я написал еще до войны сонет «Благодарность друзьям в Советском Союзе». В последнюю строку, правда, необходимо сейчас внести одно изменение. И эта замена показывает, какие великие мировые изменения произошли за эти годы. Сама история внесла свою поправку, наперекор всем преследованиям, всем трудностям, которые стояли на нашем пути. Она, эта поправка, говорит об успехе нашего дела, дела мира, лучшего изо всех дел на земле. Там, где раньше в последней строке стояло **«когда-нибудь»**, теперь должно стоять слово **«сегодня»**, т. е. вместо «когда-нибудь вам скажет спасибо мой народ» следует читать — «благодарит сегодня мой народ». Вот оно, это стихотворение, в его сегодняшней редакции:

Как брат я принят был под вашей сенью,
Вы песнь мою от гибели спасли.
В те годы силы зла и преступленья
Меня пытались смять. Но не смогли.

Вам я обязан этим. Вы внесли
Надежду в сердце. Зорче стало зренье
Стихи, казалось, крылья обрели.
Так вы навек вошли в мои творенья

Но высшую хвалу вам вознесет
За то, друзья и братья, стих поэта,
Что глубоко вы сострадали мне,
Народу моему, моей стране

И знаю — вас сильней, чем я, за это
Благодарит сегодня мой народ.

МОСКВА, 4 февраля

Подготовка к съезду писателей Якутии

ЯКУТСК. (Наш корр.). Республиканский Союз писателей принял решение о созыве в апреле третьего съезда писателей Якутии. Ваш корреспондент беседовал в связи с этим с председателем правления ССП Якутии Н. Золотаревым, который сообщил следующее:

— Прошло пять лет со времени созыва второго съезда писателей нашей республики. За это время якутские литераторы выступили с рядом романов и повестей, ставших известными широким кругам читателей нашей страны. Так, в Москве издан роман Н. Мординова «Весенняя пора» — первое капитальное произведение якутской прозы. Книги народного певца-поэта М. Тимофеева (Терешкина) вышли на русском языке в Москве, Новосибирске и Иркутске. На русский язык переведен и роман Э. Эристина «Марыкчанские ребята», повести Л. Попова «В далекой тайге» и Н. Якутского «Золотой ручей» (она издана также и на украинском языке). Грузинская литературная газета напечатала стихи одного из зачинателей якутской советской поэзии Кулачикова (Элляйя). Неоднократно печатались на русском языке произведения поэтов К. Урастырова, А. Абагинского, С. Васильева и других. В настоящее время издано более 20 сборников стихов и поэм якутских авторов на русском языке, поставлено пять драматургических произведений. Наряду с этими успехами в нашей работе есть еще много нерешенных проблем. К их числу относится главная задача, стоящая перед якутскими писателями,—создание крупных художественных произведений о людях наших дней — строителях коммунизма.

Третий съезд писателей Якутии призван содействовать дальнейшему подъему художественной литературы республики в свете исторических указаний XIX съезда партии.

В работе съезда примет участие более 130 человек. Они заслушают доклад о решениях XIX съезда партии и задачах писателей, а также доклады о якутской драматургии, детской литературе и состоянии литературной критики. После отчетного доклада о работе правления Союза писателей состоится избрание нового состава правления ССП Якутии.

Собрание сочинений М. Горького на украинском языке

КИЕВ. (Наш корр.). Гослитиздат Украины выпустил первые пять томов собрания сочинений М. Горького в переводе на украинский язык. Все издание будет состоять из 16 томов.

В работе над переводами прозаических и стихотворных произведений М. Горького участвуют украинские писатели и лучшие переводчики: П. Тычина, М. Бажан, М. Рыльский, А. Копыленко, И. Ле, А. Головко, П. Панч, С. Скляренко, А. Ильченко, А. Хуторян, Е. Дробязко и другие.

Выход в свет первых томов собрания сочинений М. Горького на украинском языке — знаменательное событие в культурной жизни республики.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

ИЗ ХРОНИКИ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

✻ **Заводская музыкальная школа.** В музыкальной школе поселка Уралмашзавода обучается свыше 200 детей. За 17 лет школу окончило более 1600 человек. Ныне в Свердловской области четырнадцать музыкальных школ. Предстоит открытие еще двух — в Первоуральске и Нижней Туре.

✻ **Новые больницы.** За послевоенное время в Пинской области вдвое увеличилось количество больниц, а фельдшерско-акушерских пунктов — в три раза. За годы новой пятилетки открывается более сорока больниц, десятки лечебных участков.

✻ **1.500 концертов и спектаклей.** В прошлом году Центральный Дом Советской Армии имени М. Фрунзе направил в различные военные округа 40 театральных и концертных коллективов. Артистами Москвы, Ленинграда и других городов страны дано более 1.500 шефских концертов и спектаклей.

✻ **Отчет сельской библиотеки.** В селе Сергеевка, Полудинского района (Северо-Казахстанская обл.), состоялось общее собрание колхозников, на котором был заслушан отчет о работе сельской библиотеки. Книжный фонд библиотеки вырос за год почти на тысячу томов. Организованы три филиала. Проведено 100 читок, бесед, лекций и докладов, несколько читательских конференций. При библиотеке работает стол справок.

✻ **300 спектаклей.** В ауле Кули, Кулинского района (Дагестанской АССР), Лакский драматический театр поставил пьесу «Калиновая роща» А. Корнейчука. Триста спектаклей в горных аулах и на зимних пастбищах дал коллектив театра в прошлом году. Колхозники просмотрели на родном языке пьесы «Голос Америки» Б. Лавренева, «Забавный случай» К. Гольдони, «Семья Аллана» Г. Мухтарова и другие.

ЛЖЕЦЫ И РОТОЗЕИ

А. ИОНОВ,
собственный корреспондент «Литературной газеты»

Начальнику отдела статистики комбината «Сталинуголь» В. Онопко время от времени (когда подводятся окончательные итоги работы за минувшие месяцы) звонят из отдельных трестов и просят уменьшить заприходованное количество добытого ими угля на сотни, а порой и на тысячи тонн. Чем же объясняется это странное явление? Что это за «поправки» местных статистиков? Ответ на это дает следующий телефонный разговор, происшедший в конце минувшего года.

Звонили из треста «Буденновуголь»:

— Что, опять, небось, «уточнять» хотите? — насторожился Онопко.

— Да, Василий Яковлевич, тут у нас по шахте «Наклонная» неладно вышло: приписали больше двух с половиной тысяч тонн.

Кто же эти люди, которые берутся «уточнять», заметая следы своего же обмана?

Начальник комбината «Сталинуголь», заместитель министра угольной промышленности СССР тов. К. Поченков назвал недавно несколько фамилий руководителей шахт, вставших на путь обмана государства.

На шахте № 12 «Наклонная» в одном из месяцев минувшего года приписали к фактической добыче больше эшелона угля. Руководству шахты было указано на недопустимость приписки. Однако главному инженеру шахты В. Майкуту это предупреждение не пошло впрок: в конце года он снова приписал в течение первых четырех дней месяца 332 тонны угля, но зато 5 декабря, когда шахтеры перевыполнили суточное задание, он 299 тонн утаил, считая, что этот «лишний» уголь вполне оправдает его...

А на шахте «Ясиновка» треста «Советскуголь» управляющий шахтой И. Музыкантов систематически занимался приписками. За перевыполнение плана его превозносили в газетах, ставили в пример руководителям других шахт, а на самом деле шахта «Ясиновка» отставала. Музыкантов не стал утруждать себя заботой об улучшении дела на шахте, а приписал к сводкам о добыче угля более 1.200 тонн.

Управляющий трестом И. Алексенко, узнав об этом, объявил Музыкантову выговор. На него, однако, это не подействовало, он не перестал обманывать государство. Даже когда управляющий издал новый приказ и вторично объявил ему выговор, Музыкантов продолжал приписки. Вместо того, чтобы самым строгим образом наказать очковтирателя, ротозей Алексенко ограничился сочинением еще одного приказа и объявлением еще одного выговора. А когда выяснилось, что Музыкантов — вдобавок морально разложившийся человек, его отстранили от управления шахтой, но тут же назначили... заместителем главного инженера треста! Приказ об этом скрепил своей подписью опять же Алексенко.

Такое очковтирательство получило некоторое распространение не только в угольной промышленности. В Горловке, например, в одном из управлений треста дорожного строительства приписали к отчету более чем на 500.000 рублей работ, каких фактически не проводили...

«Известны... факты, — сказал в докладе на XIX съезде партии тов. Г. М. Маленков, — когда хозяйственники при попустительстве партийных организаций представляют заведомо завышенные заявки на сырье и материалы, при невыполнении производственных планов допускают приписки в отчетах о выпуске продукции. Появилось немало работников, которые забывают, что порученные их попечению и руководству предприятия являются государственными, и стараются превратить их в свою вотчину, где такой, с позволения сказать, руководитель делает всё, чего его «левая нога захочет».

Порочная практика приписок свидетельствует о непонимании некоторыми хозяйственниками существа государственной дисциплины, потере ими чувства гражданского долга.

В Советской стране авторитет и достоинство хозяйственного руководителя подняты на небывалую высоту. Но руководитель, который позволяет себе обманывать государство, дезорганизует плановое управление народным хозяйством, наносит ему ущерб,— по существу, перестает быть руководителем. Он теряет моральное право требовать от своих подчиненных дисциплины, добросовестного выполнения ими служебных обязанностей, правдивой информации о положении на том или ином участке в лаве, цехе, отделе.

Так вот и получается: на шахте № 12 «Наклонная» начальники участков и горные мастера, привыкнув к тому, что главный инженер Майкут при невыполнении производственных заданий легко находит выход с помощью карандаша, стали работать спустя рукава, поощряли расхлябанность и разгильдяйство. Шахта очутилась в глубоком прорыве.

То же самое произошло и на шахте «Ясиновка». Когда Музыкантов стал делать в сводках добычи угля приписки, руководимые им начальники участков и механик перестали быть требовательными к своим подчиненным. У них появилась «уверенность», что благополучие плана в руках самого начальника. Они стали реже спускаться в лавы, на места горных работ, где решается судьба угледобычи. Получая в этом случае какие-либо указания, начальники участков, главный бухгалтер и другие работники, лишенные уже веры в целесообразность этих указаний, не спешили выполнять их. На «Ясиновке» был даже заведен двойной учет добычи угля: один—для треста, другой, истинный,—для себя. В результате махинаций Музыкантова шахта оказалась в числе отстающих, и к концу года ее долг стране превысил 16.000 тонн угля.

Хозяйственник, скрывающий от государства правду, приукрашивающий результаты своей работы, прибегающий к припискам, сам себе выносит приговор и расписывается в своей неспособности руководить.

Да и в самом деле, какой руководитель-коммунист в своей повседневной работе может забывать о своих ясных и точных обязанностях: быть правдивым и честным перед партией, не допускать сокрытия и искажения правды. Неправдивость коммуниста перед партией и обман партии являются тягчайшим злом и несовместимы с пребыванием в рядах партии...

В Донбассе есть сотни и сотни, а в стране — тысячи и тысячи замечательных командиров производства. Народ знает их, уважает и верит им.

А тех руководителей, которые не освободились еще от пережитков капитализма в своем сознании, которых еще тянет на антигосударственные, бесчестные поступки, следует наказывать со всей строгостью, не делая никаких поблажек. Чем меньше в трестах, заводоуправлениях, комбинатах будет беспечности и ротозейства, тем скорее будут искоренены позорные факты очковтирательства.

СТАЛИНО

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ

ПРОТИВ РЕЦИДИВОВ БУРЖУАЗНОГО НАЦИОНАЛИЗМА В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

XIX съезд партии вновь подчеркнул огромное значение идеологической работы в период построения коммунизма в нашей стране, обязал партийные организации и органы печати беспощадно разоблачать идеологические извращения, проявления буржуазного национализма в науке и литературе. Ряд газет выступил за последнее время с материалами, вскрывающими рецидивы буржуазного национализма в литературоведении.

Газета «Коммунист» (орган Центрального и Ереванского комитетов КП Армении) 9 января с. г. опубликовала редакционную статью «До конца разоблачить вредную теорию «единого потока». В этой статье сообщается о научных дискуссиях по истории и литературоведению, которые провела Академия наук Армянской ССР, исходя из исторических решений XIX съезда КПСС и указаний ЦК КП Армении. Дискуссии эти, отмечает газета, «проводились под знаком свободного обмена мнениями и дали некоторые положительные результаты, поскольку содействовали выявлению допущенных отдельными историками и литературоведами ошибок буржуазно-националистического толка. Вместе с тем надо отметить, что на этих дискуссиях имели место несамокритичные выступления Карниняна, Рштуни, Парсамяна и других, которые пытались взять под защиту давно разоблаченные партией ошибочные концепции, замолчать собственные ошибки».

Газета критикует грубые идеологические ошибки, допущенные Аш. Иоаннисяном, В. Парсамяном, Аб. Иоаннисяном, А. Тертеряном, М. Нерсисяном. В частности, М. Нерсисян, как указывает газета, допустил серьезные ошибки политического и методологического характера в работах «Народнические организации в Закавказье» и «Армянское национально-освободительное движение в 60—80 гг. XIX столетия». Вместо того, чтобы со всей остротой вскрыть гнилую сущность армянского буржуазного национализма, М. Нерсисян объявил буржуазно-националистических идеологов, в том числе Раффи, Патканяна и других, прогрессивными демократическими деятелями, якобы выражавшими интересы и чаяния армянского крестьянства, восхвалял буржуазного идеолога и ярого националиста Арцруни.

В своем докладе на дискуссии М. Нерсисян занял несамокритичную позицию, допустил путаницу в оценке классового характера национально-освободительного движения.

Газета «Коммунист» справедливо усматривает причины низкого уровня критики и самокритики на дискуссиях и собраниях в наличии серьезных недостатков в идеологической работе первичных партогранизаций Института истории, Института литературы и Союза писателей Армении.

«Надо решительно вскрывать прежде всего корни буржуазно-националистических настроений, проявляющихся у отдельных историков и литературоведов,— призывает газета,— и путем дальнейшего развертывания свободной критики и самокритики до конца разоблачить и ликвидировать все порочные и ошибочные взгляды, наносящие вред делу развития советской науки, делу строительства коммунизма».

В статье кандидата исторических наук Г. Гарибджаняна «Об одной порочной концепции в книге проф. А. Тертеряна «Армянские классики», напечатанной на страницах газеты «Коммунист» 15 января с. г., критикуются буржуазно-националистические ошибки в духе теории «единого потока» в трудах проф. А. Тертеряна и ряда других армянских литературоведов.

Газета «Коммунист Таджикистана» 9 января с. г. опубликовала статью кандидата филологических наук Абдулгани Мирзоева «Против протаскивания буржуазно-националистических идеек».

В статье вскрываются идеологические извращения в программах по таджикской литературе для средних школ и вузов, составленных Х. Мирзо-заде. В этих программах, в частности, идеализируется и некритически характеризуется деятельность буржуазного идеолога и националиста Аджзи.

В 1949 году вышла программа по литературе XVI—XIX веков и начала XX века, составленная Х. Мирзо-заде, в которой буржуазно-националистическая джадидская литература делится на два течения: буржуазно-националистическая литература и демократическая, прогрессивная литература. Во второе течение Х. Мирзо-заде включает Аджзи и другого джадида — Хакима.

«Таким образом, в 1949 году,—указывает автор статьи,— Х. Мирзо-заде, стремясь обелить отдельных представителей контрреволюционного джадидизма,* пытается доказать, что внутри него есть демократическое течение, хотя главные представители обоих «открытых» Х. Мирзо-заде «течений» не отличаются друг от друга ни по своим идеям и требованиям, ни по содержанию литературной деятельности.

В этой программе творчеству Аджзи также отводится отдельная глава, причем оно считается своего рода звеном, соединяющим классическую литературу с советской таджикской литературой. Вот до каких нелепостей договаривается Х. Мирзо-заде».

В программах, пишет автор статьи, нашли полный простор буржуазная теория единого потока, идеализация феодального прошлого.

«Мы должны, собрав все силы,— говорится в заключение статьи,— вести решительную борьбу со всеми и всяческими попытками протаскивания буржуазно-националистических джадидских и прочих антипартийных идеек».

Газеты «Коммунист» и «Коммунист Таджикистана» подняли на своих страницах важные вопросы борьбы с проявлениями буржуазного национализма в литературоведении.

* Джадидизм — буржуазно-националистическое, контрреволюционное движение. Своей националистической и пантюркистской деятельностью джадидизм служил интересам эксплуататорских классов и проводил влияние турецкого султана. После Великой Октябрьской социалистической революции джадиды стали продажной агентурой англо-американских интервентов.— Ред.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«...ТАРА-ТАРА-ТАРА-РА! ВЫЕЗЖАЮТ ТРАКТОРА!..»

25 декабря 1952 г. в «Литературной газете» под таким заголовком был напечатан фельетон, подвергавший критике недостатки сборника для дошкольников «Радуга-дуга» (составитель И. Карнаухова).

Главный редактор Детгиза тов. В. Компанеец сообщил «Литературной газете», что фельетон обсуждался на редакционном совещании Детгиза. Совещание пришло к выводу, что фельетон поднимает ряд важных вопросов обработки и издания фольклора для детей. В настоящее время в издании фольклора существует некоторый разнобой. Наряду с книгами, в которых народные сказки обработаны бережно и умело, выпускаются сборники, страдающие излишней усложненностью и архаизацией, а иногда и ненужным смешением старых форм и старых понятий с новым содержанием.

Этими недостатками, по мнению совещания, страдает и упомянутый в фельетоне сборник «Радуга-дуга».

В ближайшее время в Детгизе состоится заседание редакционного совета, на котором будут широко обсуждены вопросы отбора, обработки и издания фольклора для детей.

Получен также ответ Министерства просвещения РСФСР. Заместитель начальника управления школ министерства тов. С. Руновский сообщает, что «Радуга-дуга» была внесена в рекомендательный список книг для внеклассного чтения учащихся 2-х классов по недосмотру сотрудника управления школ тов. В. Сироткина, готовившего к переизданию программы начальной школы. Тов. Сироткину указано на допущенную ошибку; «Радуга-дуга» исключена из рекомендательного списка.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Интересами детей пренебрегать нельзя!

Мой сын учится в третьем классе и очень любит читать. Я записала его в городскую детскую библиотеку. Сколько было радости! Каждые три-четыре дня мальчик возвращался с новой книгой. Но вот однажды он пришел домой глубоко огорченным — библиотеку закрыли.

Отчего же это случилось? Почему сотни юных читателей лишились возможности пользоваться детской библиотекой? Оказалось, что в Омске для нее не нашлось помещения. Последние годы библиотека ютилась в маленькой комнатушке в Доме пионеров. Огромный книжный фонд разместить здесь было невозможно. Книги, увязанные в пачки, лежали на столах, стульях, на полу. Библиотекарям нередко приходилось отказывать в выдаче книг, если даже они имелись,— их нельзя было отыскать. Но библиотеку лишили и этого пристанища, так как здание Дома пионеров требовало ремонта. И в сентябре — в самом начале учебного года — библиотека закрылась.

Шли месяцы, библиотека не работала. Наконец, в январе ее открыли в новом помещении. Мы направились туда. Странная картина представала нашим глазам. В маленьком коридоре, в полутьме — окон там не было — стоял стол, за которым выдавали литературу. На лестничных площадках разместились стеллажи. Их было немного: основной книжный фонд — более 20 тысяч томов — хранился в сарае. Поеживаясь от холода, — отопления здесь не было, — множество детей стояло в очереди за книгами...

Вопрос о бедственном положении детской библиотеки обсуждался в различных организациях. Сессия Совета Центрального района Омска обязала райисполком немедленно предоставить библиотеке помещение. Подобное решение приняло бюро горкома КПСС. О детской библиотеке писали газеты «Омская правда» и «Молодой большевик». Однако дело не сдвинулось с мертвой точки: библиотека в том же положении, как и прежде.

И не только детская библиотека терпит в Омске мытарства. Не проявляют внимания городские организации и к другим внешкольным учреждениям. Закрыт Дом пионеров, где работали многочисленные кружки. Детская музыкальная школа ютится в подвале, в нескольких небольших комнатах. Работники горисполкома всерьез обсуждали вопрос: поместить ли Театр кукол в кухне жилого дома или предоставить ему временно помещение прачечной? Однако оба предложения были отвергнуты, так как все сошлись на мнении — поместить театр в подвал, где находится склад старых декораций. И это решение провели в жизнь! Тщетно было бы искать дверь, ведущую в театр. Ее нет. В театр можно проникнуть только через... люк. Там, внизу, по воле Омского горисполкома, среди бутафорского мусора и хлама, собираются актеры для творческого труда. Но, несмотря на такие условия, Театр кукол существует, работает над спектаклями, показывает их в школах и пользуется любовью детей.

Нельзя терпеть, чтобы в большом областном центре так относились к внешкольным учреждениям. Руководители города не имеют права пренебрегать интересами детей!

Л. КОСТЕНКО

ОМСК

Улучшать торговлю книгами

I.

В один из заброшенных старых складов села Боровского Кустанайской области два года назад вошла женщина и принесла несколько пачек книг. Это была тов. Плескачева—директор вновь открываемого книжного магазина.

Из свежевыструганных досок и пустых ящиков по ее указанию сделали прилавок и полки. На них тов. Плескачева разложила книги, тетради, репродукции и канцелярские принадлежности.

Затем она стала упорно добиваться капитального ремонта помещения для книжного магазина. И добилась. Неузнаваем теперь магазин. Покупателю приятно войти в него. Из месяца в месяц магазин выполняет план. Но за последнее время покупатели все чаще слышат отказ в нужной им книжке. Причина простая: Кустанайский облкниготорг снабжает магазин книгами бессистемно.

Вот примеры. Магазин проводит подписку на собрания сочинений многих писателей. Несколько человек подписалось на трехтомник Дм. Фурманова. Внесли задаток в счет оплаты последнего тома. Получили первый том. Весной 1952 года в печати появилось извещение о выходе второго тома. Но прошел год — подписчикам вручили третий том, а второго все нет и нет...

Магазин получил второй и третий тома избранных сочинений Белинского (в трех томах), а первый не получил. До Боровского не дошли и избранные сочинения Чернышевского, Добролюбова, Писарева. Не видим мы и первого тома сочинений Мао Цзэ-дуна.

За весь 1952 год магазин Книготорга почти не получал лекций Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний.

Сельские магазины Книготорга не должны быть пасынками. Они имеют право на все богатства издаваемой в стране литературы.

А. НЕЛЮДИМЫЙ

с. БОРОВСКОЕ
Кустанайской области

II.

Я выписываю собрания сочинений Горького, Л. Толстого, Драйзера, Бальзака и Эренбурга. Кроме того, выписываю по почте и покупаю на месте интересующие меня книги.

Но вот какие неприятности происходят у нас в Варнавино в книжной торговле по вине Облкниготорга.

Варнавинскому магазину Райкниготорга требовалось выслать 5 экземпляров подписного издания Горького, а прислали 15-й том в 3 экземплярах, 17-й том — в одном экземпляре; 16-й том у нас еще не получен. А ведь вышел уже 21-й том! То же и с сочинениями Драйзера. Надо было прислать 3-й том, а прислали 4-й. Не высланы 8-й, 9-й, 10-й и 11-й тома Л. Толстого. Мы об этом писали в Горьковский облкниготорг, но нам даже не сочли нужным ответить!

Очень плохо работает и Горьковское отделение «Книга — почтой». Сколько туда ни обращайся, не только не вышлют нужной книги, но даже и не ответят.

Видимо, руководители Горьковского облкниготорга не уважают покупателей. Можно ли к этому относиться спокойно?

В. ТРОИЦКИЙ

с. ВАРНАВИНО
Горьковской области

III.

Плохо в Климовичском районе Могилевской области обеспечивают покупателей книгами, плохо торгуют ими. Можно объехать все села района и не найти нужной книги. В селе Судилы, например, в магазине книг всего на 290 рублей, к тому же большинство из них — учебники. Художественная литература представлена здесь одним экземпляром «Анны Карениной».

Родня — крупный поселок, но и в здешнем магазине покупатель не найдет новых произведений художественной литературы. Надо сказать, что в пыли под прилавком лежат книги, изданные в 1949—1950 годах. Продавец не предлагает их покупателю: так и лежат они забытыми.

Не интересуется книжной торговлей председатель Климовичского райпотребсоюза тов. Абраменко. Даже в магазине города Климовичи очень мало литературы. Помещение магазина тесное. Часть книг лежит на складе и мокнет под дырявой крышей.

Пора бы Главполиграфиздату и Центросоюзу поинтересоваться книжной торговлей в нашем районе. Поинтересоваться — и наладить дело.

М. ЗАСТОЛЬСКИЙ

г. КЛИМОВИЧИ,
Белорусская ССР

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

„НА ДАЛЬНЕЙ ЗАСТАВЕ“

На какой бы пограничной заставе ни доведось побывать советскому писателю, повсюду он услышит заслуженный упрек:

— Мало пишете о нас, товарищи! А ведь написать есть о чем!

Интереснейший материал, изобилующий острыми конфликтами и примерами беспредельного героизма людей в зеленых фуражках, освоен еще очень слабо. Если даже такое событие, как оборона пограничниками Брестской крепости, до сих пор не нашло своего воплощения в полноценном художественном произведении, то что же говорить о многих известных бывалым пограничникам и имеющих большое воспитательное значение «рядовых» фактах?

Повесть **Г. Паушкина «На дальней заставе»**, выпущенная в 1952 году в Казани, рассказывает о событиях, которые произошли на берегу реки Прут летом 1941 года. Вместе с новичком-радистом Пушкаревым читатель прибывает на заставу, знакомится с ее людьми, с ефрейтором Петровым, начальником заставы лейтенантом Ветлугиным, политруком Будкиным и другими пограничниками. В повести удачно описаны сцена поимки Петровым нарушителя границы, первые стрельбы Пушкарева, комсомольское собрание.

Автору удалось показать внезапность перехода от мирных дней на границе к суровым дням войны. Читатель с интересом будет следить за тем, как, отстаивая родную заставу, выполняют свой воинский долг солдаты Ветлугина. Выразительно показана боевая работа радиста Пушкарева. Окруженный захватчиками, он поддерживает связь с радистом «центральной» в очень трудных условиях ближнего боя. В этой сцене хорошо раскрываются черты его характера.

Однако повесть Г. Паушкина могла быть значительно лучше, если бы писатель продумал ее композицию и ограничил себя в отборе материала. Вовсе необязательно перечислять в ней фамилии почти всех участников маленького гарнизона. Сравнительно небольшая по объему повесть (79 страниц) не позволяет автору уделить каждому из них столько места, сколько нужно для создания живого человеческого образа. Кое-где повествование сбивается на торопливую очерковую запись. Поучительные рассказы Петрова об изворотливости нарушителей границы не всегда достаточно связаны с сюжетом. Они напоминают вставные новеллы и подчас тормозят сквозное действие.

Понятен замысел автора, когда он решил закончить свою повесть эпилогом, как бы перебрасывающим «мост» от событий второго дня Отечественной войны к нашему времени. Законно появление в эпилоге знакомых читателю фамилий — Петрова и Ветлугина. Однако перемены в судьбах этих людей даны автором предельно схематично. Очень бегло сообщает автор о запомнившемся читателю радисте Пушкареве. Можно лишь сожалеть об этих пробелах в повести.

Г. Паушкин поступит правильно, если отнесется к настоящему изданию книги, как к первому эскизу нужного и полезного произведения о советских пограничниках. Беглый пунктир надо заменить твердым, ясным почерком полноценной художественной прозы, с острыми конфликтами и большими характерами. Надо композиционно улучшить развитие сюжета, оставить в книге лишь тех героев, которые способны энергично двигать действие и полнее раскрывать замысел автора. Будет хорошо, если Г. Паушкин наново перепишет и дополнит эпилог. Усилия, затраченные автором на доработку книги, могут вполне оправдать себя.

Владимир БЕЛЯЕВ

ГЛАЗАМИ ХУДОЖНИКА

В Куйбышевском областном издательстве вышел небольшой сборник рассказов **Н. Колиструка «Далекие друзья»** (1952 г. 122 стр.).

«...Тем-то и замечателен глаз художника, —говорит автор в рассказе «Художник»,— что он видит не просто зеленую траву и зеленые деревья, а видит, кроме того, сотни других красок, цветов и оттенков, видит то, чего не замечают другие. Белая стена, в сущности, никогда не бывает просто белой. Присмотрись внимательнее, и ты увидишь на ней множество различных красок — легких, неуловимых, меняющихся. Художник видит эти краски».

В этих словах разгадка и достоинств и недостатков рассказов Колиструка.

У автора зоркий и наблюдательный глаз. Волга, приволжская деревня, луга, поля, леса—вот места, прелесть которых он передает уверенной и сильной кистью.

Лес. «В лесу было тихо, пахло прелым палым листом, гниющими пнями, мохом, грибами, муравьиными кучами. На полянках между осинниками пожухлые, пожелтевшие стояли заросли папоротника, волчья неласковая ягода тусклым багрянцем манила взор, но не радовала—ее и птицы не клевали. Огненные мухоморы, казалось, накрик кричали из-под кустов...» («Грибные места»).

Озеро. «Вода в озере стояла спокойная, словно литая из темнозеленого хрусталя. Желтые цветы кувшинок казались выточенными из золота. По зеленому хрусталю быстро, словно на коньках, скользили длинноногие водяные жучки» («Художник»).

Зимняя ночь. «Мороз был не меньше тридцати градусов. Туманное белое колесо вокруг луны сияло зловеще и неумолимо... Скрип моих шагов был, наверное, слышен в самом конце деревни. Трещали, съеживаясь на морозе, бревна строений. Лес, что стоял неподалеку, — мелкий молодой соснячок и осинничек, — был в белесом тумане, искрился изморозью...» («Гражданская совесть»).

Книга Н. Колиструка привлекательна тем, что в ней есть душа писателя — то теплое, проникновенное отношение к окружающему миру, то чудесное видение природы, которое всегда доходит до сердца читателя.

К сожалению, в этом прекрасном мире человек присутствует чаще как созерцатель, а не как его могучий преобразователь. Старики, удящие на покое рыбу, старушки, собирающие грибы, тихие, умиротворенные люди, они как бы подчеркивают вечность, неприкосновенность этих пейзажей. А пейзаж меняется! Выросли на Жигулях нефтяные вышки, строится Куйбышевская ГЭС, проводятся дороги, сооружаются мосты. Не старичок с удочкой владетель этих берегов, а экскаваторщик, бетонщик, арматурщик, бурильщик... А этого человека нет в рассказах Колиструка. Нет человека действия. И здесь мы возвращаемся к тому, с чего начали, к тому определению глаза художника, которое дал автор. Да! Художник видит то, чего не видят другие, но художник не может быть слепым к тому, что видят все! Задача художника—увидеть деталь, но деталь ценна только тогда, когда она способствует выявлению и утверждению главного и основного. У настоящего художника деталь не закрывает, а открывает мир.

Видимо, чувствуя главный недостаток своей книги, Колиструк назвал сборник «Далекие друзья», по названию рассказа, целиком посвященного людям. Но рассказ этот тематически выпадает из всего сборника, в остальном очень цельного. Действие его происходит в месте и в среде, повидимому, мало знакомых автору, во всяком случае, недостаточно ему близких. От этого рассказ на фоне остальных, овеянных подлинным чувством, производит впечатление надуманного и банального...

Нет! Людей Н. Колиструк должен искать рядом с собой, он должен увидеть человека сегодняшней Волги и показать его. Он может это сделать. Подтверждением тому — хотя и единственный в сборнике, но чудесный образ доярки Прасковьи из рассказа «Гражданская совесть». Сколько обаяния, сколько настоящей человеческой красоты в этой неугомонной женщине. Сколько любви к своему делу, сколько высокой сознательности, присущей миллионам людей, без шума и треска создающих своим трудом все блага на земле. Как тонко, поэтично и в то же время правдиво и убедительно нарисовал ее автор. И удача этого образа в том, что Прасковья не созерцает, а действует. Хочется надеяться, что в следующем сборнике рассказов Колиструка образ, подобный этому, будет не единственным и определит путь, на который встанет автор в своем творчестве. И нам кажется, что только на этом пути автора ожидает тот успех, которого заслуживает его дарование.

А. РЫБАКОВ

ПУТЬ ТАЛАНТЛИВОГО ИЗОБРЕТАТЕЛЯ

Интересный и благодарный материал лежит в основе повести **Ваграма Апресяна «Время не ждет»**, посвященной жизни и деятельности революционера-большевика, изобретателя и ученого Александра Михайловича Игнатьева (Трудрезервиздат, 1952 г. 343 стр.).

Существенное достоинство книги состоит в том, что автор, характеризуя главные действующие лица повести, не отделяет в Игнатьеве большевика-революционера от ученого-исследователя, исследователя от изобретателя, изобретателя от человека, в отличие от многих жизнеописаний замечательных людей. Таким образом Апресяну удается показать взаимосвязь влияний и событий, среди которых проходит жизнь героя, раскрыть самый процесс формирования его личности.

Как правильно отмечает академик Н. Гудцов в предисловии, «особенно хороши и подкупающе искренни в повести те страницы, на которых раскрывается сложный творческий процесс», показывающий один из самых интересных и своеобразных путей, приводящих к открытию.

Обладая запасом знаний, которые не всегда есть у инженеров, Игнатьев, как биолог, в поисках способа сделать режущие инструменты самозатачивающимися, обратил внимание на зубы и когти хищных животных, которые всю жизнь остаются острыми. Самозатачивание тут происходит потому, что слои внешней стороны зубов хищника тверже, чем слои внутренней, и изнашивание зуба идет равномерно. Изучив этот естественный принцип самозатачивания, Игнатьев сконструировал ряд самозатачивающихся во время работы инструментов.

«Свобода от рутины» способствовала успеху Игнатьева и в изобретении оптического зенитного прицела и в создании лентосварочных машин.

В. Апресян подробно излагает историю этих изобретений, возникновение идеи и ее развитие, борьбу конструктора с сопротивлением материала, традиций и некоторых людей. В этой борьбе огромную поддержку оказывали Игнатьеву партия и правительство, товарищи Г. К. Орджоникидзе и В. В. Куйбышев. Большой интерес представляет дружеское участие А. М. Горького в работе Игнатьева. В воспоминаниях Горького о Ленине рассказывается, между прочим, о посещении Владимиром Ильичем Главного артиллерийского управления, где Игнатьев демонстрировал свой зенитный прицел. Приводится беседа Ленина с Горьким об изобретателе и необходимости создания всех условий для работы техников, чтобы сделать Россию передовой страной мира.

В. Апресян поступил совершенно правильно, сделав основным содержанием своей повести раскрытие творческого процесса во всех его подробностях.

Хочется обратить внимание автора и на некоторые недостатки книги. Это, прежде всего, неточности и даже нелепости в языке, например: «после жаркого обсуждения книги электрические предметы (?) убирали»; «закусив «удила», он продолжал спорить», а также вульгарность отдельных выражений: «между ним и учениками пошла свара» и т. п.

Рассказывая о детстве и юности Шуры Игнатьева и его друзей, В. Апресян, по сути дела, приписывает им мысли, поступки и характеры наших советских детей и юношей.

Лев ГУМИЛЕВСКИЙ

„ВЕСТЬ О РАССВЕТЕ“

«Весть о рассвете» (Издательство иностранной литературы. 1952 г. 72 стр.)—первый изданный на русском языке сборник стихов и поэм Ай Цина.

Ай Цин — талантливый китайский поэт. Его произведения пользуются огромной популярностью в Китае. В те годы, когда китайский народ вел мужественную борьбу с японскими империалистами, стихи Ай Цина, полные бодрости, жизнерадостности, любви к родине, воодушевляли народ, звали его вперед, к победе. Еще в 1939 году в поэме «Он умер, сражаясь» поэт писал:

Но правда,
За которую он боролся,
Победоносно идет по Китаю.

С болью говорит поэт о горе и бедствиях народных в стихотворениях «Снег падает на землю Китая», «Север», «Женщина чинит одежду». О тяжелом прошлом, когда «огромный Китай походил на тюрьму» и «в реках Китая не пресные воды, а слезы народа текли солоны», Ай Цин вспоминает в поэме «В подарок Сталину».

В этой талантливой поэме, написанной сдержанно, просто и выразительно, поэт рассказывает и о победе китайского народа, о его любви к товарищу Сталину:

За каждым из нас
Ты следишь, как садовник,
Следящий за ростом
Деревьев и трав.
Ты наши народы
Сплотил воедино,
И нашим победам
Не будет конца.
И пусть далеко
От Москвы до Пекина,
Но рядом — границы,
И рядом — сердца.

В годы великих боев за свободу и независимость Китая Ай Цин был с народом. И теперь, когда все миролюбивые люди ведут неустанную борьбу за мир во всем мире, Ай Цин выступает, как пламенный борец за дело мира.

Нас миллионы —
пятьсот миллионов китайцев.
Мы ненавидим
бандитов, готовящих бойню.
Подписи наши —
свидетельство воли народа:
«Те, кто за мир,
никогда, никогда не сдадутся!»

—писал Ай Цин в стихотворении «Ставлю свою подпись под Стокгольмским Воззванием».

В сборник вошли стихи, написанные Ай Цином в период 1937—1950 гг. Непонятно, почему отсутствуют в нем стихотворения «Мао Цзэ-дун», «Октябрьское поздравление», «Солнцу». Эти стихи дали бы нашему читателю более полное представление о творчестве Ай Цина.

Нужно сказать, что переводчик А. Гитович не всегда сохраняет лаконичность, простоту и выразительность языка Ай Цина.

Ай Цин чрезвычайно скуп на слова, но зато каждое слово у него выношено, точно, метко. В стихотворении «Разговор с углем» Ай Цин говорит:

Я старше гор,
Я старше скал.

У переводчика многословно:

— Я старше гор, в которых я живу,
И старше камня, старого, как горы.

Или в стихотворении «Обращаюсь к миру» у Ай Цина:

БЛАГОРОДНЫЙ ТРУД ПЕРЕВОДЧИКА

Г. МАРГВЕЛАШВИЛИ

Мы привыкли говорить о недостатках в работе отдельных переводчиков. Критика недостатков нужна и необходима, но не менее важно обобщение положительного опыта, накопленного мастерами перевода. У нас еще нет обобщающих работ по теории перевода, нет работ, посвященных творческому опыту и творческому пути крупных мастеров, нет даже статей с анализом наиболее удачных переводов.

Обо всем этом думаешь, когда знакомишься с новым значительным переводческим трудом. Эти мысли не могут не возникнуть у читателя, когда он познакомится и с последней работой Николая Заболоцкого — с переводами избранных поэм грузинского классика Важа Пшавела.

Перед Николаем Заболоцким стояла большая и сложная задача: правильно понять, раскрыть и передать богатство идей и образов одного из корифеев грузинской поэзии. Только глубокое проникновение в идейную суть оригинала могло обеспечить переводчику верное восприятие и понимание образной системы грузинского поэта, художественных особенностей его поэм, их формы. Подобная установка обязательна в любой переводческой работе, но в данном случае обязательность эта усиливалась тем, что вопрос о творчестве Важа Пшавела, о его мировоззрении и поэтическом мастерстве недостаточно разработан.

Н. Заболоцкий понял гуманистическое, патриотическое, народное содержание поэзии Важа Пшавела, и это дало ему ключ к образной ткани поэм Важа, ключ к верному пониманию не только характеров героев этих поэм, но и личности самого повествователя.

По 10 поэмам, вошедшим в книгу, читатель может составить себе ясное представление об эпическом наследии Важа, об основной идейной проблематике его творчества. Одна из основных проблем, разработке которой Важа Пшавела посвятил почти все свое творчество, — это проблема гуманизма, проблема благородной, действенной любви человека к человеку, уничтожения вражды между людьми и утверждения мира. Вопросы эти ставились и решались поэтом отнюдь не в абстрактно-этическом плане и не в плане прекраснодушного пацифизма — через все его поэмы красной нитью проходит тема справедливой борьбы с врагами Родины, с врагами человечности, с врагами мира. В этом идейная суть таких поэм, как «Гоготур и Апшина», «Алуда Кетелаури», «Копала», «Гость и хозяин», «Бахтриони», «Змееед».

В переводах Заболоцкого не пропала ни одна деталь, имеющая существенное значение для понимания мировоззрения поэта.

В переводах поэм Важа Пшавела дается верное практическое решение многих общих вопросов переводческого искусства. Важнейший из них — вопрос о национальной форме перевода.

В какой степени и в какой мере утрачивает переводимое произведение свою национальную специфику и в какой степени обретает оно специфические черты другой национальной формы?

Понятие формы в художественной литературе включает в себя весь арсенал изобразительных средств писателя. Сложность задачи переводчика и заключается как раз в том, что он средствами своего языка (в данном случае русского) должен передать арсенал изобразительных средств, выраженных на другом языке (в данном случае на грузинском).

Переводчик ни на миг не должен забывать, что благодаря переводу произведение становится фактом и русской литературы, что основным орудием переводчика, как художника слова, являются его родная русская речь, язык, на который он переводит то или иное произведение, и что он, следовательно, обязан полностью использовать все богатейшие возможности этого языка, не пытаясь вместо этого создавать какие-то искусственные языковые конструкции, призванные якобы сохранить национальную специфику произведения. И вместе с тем он не должен забывать об этой национальной специфике, усматривая ее в арсенале изобразительных средств переводимого автора. Только высокохудожественная передача национального стиля всеми богатейшими средствами русского языка может обеспечить переводчику творческую победу.

Такая победа одержана Николаем Заболоцким. Язык его переводов — богатый, гибкий, красочный русский язык. Какие только языковые пласты не встречаются в переводе поэм Важа Пшавела — от «просторечия» до «высокого слога», от «весомых, грубых, зримых» оборотов разговорной речи до возвышенной патетики речи ораторской!

Столкновения Гоготура и Апшины, Алуды и Муцала, их диалоги, их словесные поединки — все это передается Заболоцким энергичным русским просторечием. Аналогичные лексические элементы встречаем мы и в переводах других поэм Важа Пшавела. Замечательны речевые контрасты в этих отрывках. В «Этери» с грубой речью мачехи контрастирует задушевный, полный тончайшего лиризма язык Этери. В «Змееде» резкие слова Миндии, обращенные к жене, чередуются с глубоким философским раздумьем и т. д.

Использование переводчиком как просторечия, так и «высокого слога» является законным и необходимым средством передачи содержания, интонации и стиля оригинала.

Казалось бы, славянизмы должны были резко нарушить национальную специфику поэм Важа. Но это не так. Славянизмы в русском литературном языке имеют двойную функцию — функцию языковой, речевой характеристики исторических персонажей и функцию чисто стилистическую — функцию так называемого «высокого слога», предназначенного для передачи торжественной патетики. В этой своей второй функции славянизмы не только не вызывают чуждых оригиналу исторических ассоциаций, не только не нарушают национального колорита оригинала, а являются естественным и необходимым средством адэкватной передачи патетического содержания.

Грузинский читатель знает, как богат арсенал образов Важа, как неистощим поэт, в частности в изображении природы горной Грузии. Она — не пассивный декоративный фон в описании человеческих судеб, а активное начало, мощно вторгающееся в жизнь человека.

Говоря об изобразительной стороне пейзажа в переводах Н. Заболоцкого, надо в первую очередь отметить пластичность и динамичность пейзажа. Природа в переводах Заболоцкого — так же как и у Важа — живет, дышит, движется, действует. Вот два характерных для изобразительной манеры Важа Пшавела описания:

Вдруг мгла надвинулась ночная,
Рванулся вихрь, сбивая с ног,
И прянул в горы, завывая
Голодным волком из берлог...

Или следующее описание гор:

Туман у подножья горы
На горы глядит полусонно,
Вздымая седые вихры.
Но горы, как будто для песен,
Спокойно расселись вокруг,
И круг их возвышенный тесен,
И выпуклы мускулы рук...

Может возникнуть вопрос: всегда ли переводчик придерживается **буквы** образов переводимого поэта? И вообще, имеет ли он право (и в какой степени) отступить от этой буквы? Слепое, точное, буквалистское следование оригиналу может привести лишь к разрушению его образной ткани. Свобода переводчика допустима и даже порою необходима в пределах образной системы переводимого поэта. Так именно и поступает Заболоцкий.

Нельзя не затронуть вопроса о звуковой инструментовке стиха. Поэт-переводчик не обязан, разумеется, стремиться к полному текстуальному совпадению различных приемов звукозаписи. Но он должен дать представление об особенностях поэтики переводимого автора. Такая принципиально верная установка, несомненно, характерна для переводов Н. Заболоцкого. Однако есть случаи, когда в переводе наблюдается не только общее (в своей совокупности) соответствие тех или иных поэтических приемов, но даже их буквальное тождество. Например, аллитерирование посредством звуков «с» и «к» в сцене преследования врагов Алудой Кетелаури.

Подобные примеры можно было бы умножить. Часто необходимый результат достигается благодаря той высокой степени мастерства, когда сама тема, образ или интонация данного отрывка диктуют переводчику поэтическое решение, близкое авторскому решению.

Большое принципиальное значение имеет решение Н. Заболоцким в переводах поэм Важа Пшавела ритмико-интонационных задач. Эта проблема, как и другие проблемы перевода с грузинского языка на русский, имеет свою историю. Было время, когда некоторые переводчики (и их поддерживали теоретики!) насиловали русский стих и русский язык в погоне за совпадением поэтических размеров, количества слогов в строке и т. д. В дальнейшем эта вредная установка была отброшена, но до последнего времени сохранилось представление, будто некоторые русские размеры, в частности четырехстопный ямб, непригодны для переводов с грузинского языка. Особенно остро ставился вопрос об использовании четырехстопного ямба в переводе одного из самых распространенных размеров грузинского стихосложения — шаири. Заболоцкий начал решать вопросы ритмики, исходя из интонационного характера оригинала в каждом отдельном конкретном случае. При этом он совершенно справедливо допустил, что интонационному богатству самого универсального и самого распространенного грузинского размера — шаири в целом ряде случаев скорее всего может соответствовать интонационное богатство самого универсального и самого распространенного русского размера — четырехстопного ямба, тем более, что так называемый низкий шаири, которым написаны поэмы Важа Пшавела, по своему ритмическому строю ближе к ямбу, чем к хорею, в отличие от шаири высокого, в котором сильнее выявлены тонические, акцентные элементы грузинского (в общем силлабического) стиха.

Но Заболоцкий отнюдь не считает такое решение единственно возможным.

Вопрос поэтического размера при переводе всегда должна решать живая поэтическая интонация данного произведения. И Заболоцкий в своих переводах дает образцы такого творческого подхода к этой сложной проблеме: переведя эпические поэмы Важа Пшавела четырехстопным ямбом («Гоготур и Апшина», «Алуда Кетелаури», «Бахтриони», «Гость и хозяин», «Змееед» и др.), он обратился к трехстопному амфибрахию, когда речь шла о поэмах, созданных, в большинстве своем, на основе народных сказаний, пронизанных лиризмом («Этери», «Копала», «Оленья лопатка»).

Таковы художественные особенности переводов Николая Заболоцкого. Залогом его успеха были те верные принципиальные установки, которые на основе многолетнего и плодотворного опыта выработаны советскими мастерами перевода. Нет сомнения, что переводы поэм Важа Пшавела займут достойное место в ряду лучших советских переводов.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

В СОЮЗЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

☆ **Встреча с читателями** состоялась в Центральном Доме литераторов. В кратком вступительном слове А. Софронов рассказал об итогах совещания, посвященного основным проблемам изучения творчества Маяковского, его традициям в советской поэзии. Затем с чтением своих стихов выступили С. Васильев, Н. Грибачев, С. Смирнов и А. Софронов. Такие встречи читателей с писателями будут проводиться Центральным Домом литераторов регулярно.

☆ **Два сборника статей** — «Проблема типичности в художественной литературе» и «Вопросы советской драматургии» подготовляются к печати комиссией по теории литературы и критике ССП СССР совместно с Институтом мировой литературы имени А. М. Горького.

☆ **В дни студенческих каникул** бюро пропаганды художественной литературы ССП СССР организовало встречи писателей с вузовской молодежью. Состоялись литературные вечера в Сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева и Московском авиационном технологическом институте. Студенческий вечер был проведен в Центральном Доме литераторов. Группа писателей выехала в Свердловск, Челябинск, Нижний Тагил, Иваново, Казань, в города Прибалтики и т. д., где они выступают с чтением своих новых произведений.

☆ **Отчет журнала «Советская литература»** (выходящего на пяти иностранных языках) был обсужден секретариатом ССП СССР. Главный редактор журнала В. Николаев сообщил, что за последние полтора года в журнале напечатано 20 художественных произведений, в числе которых—14, удостоенных Сталинской премии. Секретариат обратил внимание редакции на необходимость повысить качество переводов художественной прозы, публиковать переводы лучших произведений поэзии и улучшить оформление журнала.

☆ ***Второй объединенный творческий семинар драматургов*** шести республик будет проведен комиссией по драматургии ССП СССР в апреле этого года в Дублтах (Латвийская ССР). На семинар будет приглашено 35 драматургов Белоруссии, Латвии, Литвы, Эстонии, Молдавии и Карело-Финской ССР. Они будут работать над подготовкой пьес к театральному сезону 1953—1954 гг.

☆ **Новый цикл стихов В. Луговского** — «Главный Туркменский»—обсуждался в секции поэтов. Выступавшие положительно оценили новый цикл стихов и нашли, что наиболее удачны из них: «Баллада о пустыне», «Фонтан», «Вечерний костер», «Утро», «Ночь». Меньше удались автору стихотворение «Тахиа-Таш», открывающее цикл, и стихи «Ночные часы», «Переходящее знамя»: они растянуты и страдают прозаизмами.

3.214.000 экземпляров книг

КИШИНЕВ. (**Наш корр.**). В 1953 году Государственное издательство Молдавской ССР выпустит 332 книги общественно-политической, художественной, сельскохозяйственной и медицинской литературы. Их общий тираж — 3.214 тысяч экземпляров.

На молдавском языке выйдут произведения Н. Гоголя, Л. Толстого, И. Тургенева, А. М. Горького, В. Короленко, Н. Лескова, И. Крылова, А. Герцена, А. Островского, Д. Фонвизина, а также произведения А. Фадеева, М. Бубеннова, В. Закруткина, О. Мальцева, В. Авдеева, А. Недогонова и А. Рыбакова.

Планом предусмотрено издание двадцати новых произведений молдавских писателей. В частности, отдельным изданием выйдет роман учителя из города Бендеры И. Чобана «Кодры» и вторая книга романа И. Кана «Утро на Днестре».

ЗОРКОСТЬ ХУДОЖНИКА

К. ПАУСТОВСКИЙ

Страницы книг Михаила Михайловича Пришвина уводят нас, как заросшие дороги, в лесные дали с их блеском листвы, разговором родников, богатством трав...

Советский читатель с радостью встретил появление двухтомника произведений Пришвина, выпущенного Гослитиздатом, где собрано все характерное для писателя, все самое ценное, что раньше было разбросано по отдельным изданиям и журналам. Этот двухтомник — как бы слиток пришвинского творчества, разнообразный в своей однородности и очень цельный, несмотря на богатство затронутых Пришвиным тем.

Секрет пришвинского очарования в его зоркости. Это та зоркость, что в каждой малости открывает значительное, что под прискучившим иной раз покровом окружающих нас явлений явственно видит глубочайшую поэзию земной жизни.

Дни и ночи сменяются на земле и уходят, полные своей мгновенной прелести, дни и ночи осени и зимы, весны и лета. Мы забываем иногда вереницы этих дней — то синих и глубоких, как чистейшее небо, то притихших под серым пологом туч, то теплых и туманных, то заполненных шорохом первого снега. Мы забываем об утренних зорях, о том, как блещет кристаллической каплей воды над лесами хозяин ночей пепельно-синий Юпитер. Мы забываем о многом, о чем нельзя забывать. И Пришвин в своих книгах как бы перелистывает назад удивительный календарь природы и возвращает нас к картинам позабытых дней.

Невдалеке от Москвы протекает тихая речка Дубна. Она обжита человеком в течение тысячелетий, хорошо известна, нанесена на карты. Она спокойно течет среди подмосковных рощ, заросших хмелем, среди синеющих взгорий и полей, мимо старинных городов и сел. Тысячи людей перебывали на этой реке. Были среди этих людей и писатели, художники, поэты. И никто не заметил в Дубне и ее окрестностях ничего особенного, достойного изучения и описания. Никто не прошел по берегам подмосковных рек, как по сказочно-заманчивой и еще не открытой стране.

Сделал это Пришвин. И скромная Дубна засверкала под его пером среди туманов и тлеющих закатов, как драгоценная географическая находка, как открытие, как одна из интереснейших рек страны — со своей особой жизнью, растительностью, единственным, свойственным только ей, ландшафтом, бытом приречных жителей, историей и красотой.

Жизнь Пришвина — это жизнь человека пытливого, деятельного и простого. Недаром он сказал, что «великое счастье не считать себя человеком особенным, одиноким и быть, как все хорошие люди».

В любом знании, в любой науке заложена бездна поэзии.

У нас были и есть великолепные ученые-поэты, такие, как Тимирязев, Ключевский, Кайгородов, Ферсман, Обручев, Мензбир, Арсеньев, как недавно умерший ботаник Крашенинников.

Обширные познания Пришвина в области этнографии, фенологии, ботаники, зоологии, агрономии, метеорологии, истории, фольклора, орнитологии, географии, краеведения и других наук живут в нем, непрерывно развиваясь, непрерывно обогащаясь его опытом, его наблюдательностью, его счастливым свойством видеть научные явления в самом их поэтическом выражении.

Такой писатель, как Пришвин, точно и тонко знающий жизнь природы и всегда боровшийся за сохранение ее естественных сил, не мог, конечно, остаться в стороне от небывалых в истории человечества, поистине титанических работ по преобразованию природы, которые начались и непрерывно идут в нашей стране.

Подтверждением этого служит его рассказ «Заполярный мед». В нем Пришвин повествует о рядовых советских людях, осуществляющих невиданное доселе дело: переселение пчел далеко за Полярный круг. Рассказывает об этом необычайном путешествии Пришвин с мягкой дружеской улыбкой к его организаторам, энтузиастам-пчеловодам.

Смелое творчество и дерзание наших людей, по-своему изменяющих и подчиняющих себе природу, — вот что составляет пафос рассказа о заполярном меде, «небывалом в природе и обязанном своим бытием только усилию нового, освобожденного человека».

Горький призывал молодых писателей учиться у Пришвина русскому языку.

Язык Пришвина точен, прост и вместе с тем живописен в своей разговорности, многоцветен и тонок. Пришвин любит народные названия, самым своим звучанием хорошо передающие тот предмет, к которому они относятся. Стоит внимательно прочесть хотя бы «Северный лес», чтобы убедиться в этом.

У ботаников есть термин — разнотравье. Он обычно относится к цветущим лугам. Разнотравье — это сплетение сотен разнообразных и веселых цветов, раскинувшихся сплошными озерами по поймам рек. Это заросли гвоздики, подмаренника, медуницы, приточной травы, ромашки, мальвы, подорожника, волчьего лыка, дремы, зверобоя, цикория и множества других цветов.

Прозу Пришвина можно с полным правом назвать разнотравьем русского языка. Слова у Пришвина цветут, сверкают. Они полны свежести и света. Они то шелестят, как травы, то бормочут, как родники, то пересвистываются, как птицы, то, наконец, ложатся в нашей памяти медлительным и торжественным строем, подобно течению звезд над лесными краями.

Все в повестях, рассказах и «географических очерках» Пришвина объединено человеком — любознательным, зорким, думающим, человеком с доброй и смелой душой. Великая любовь Пришвина к природе родилась из его любви к человеку. Все его книги проникнуты родственным вниманием к человеку и к той земле, на которой живет и трудится этот человек.

Все, созданное Пришвиным, — и первые его вещи «В краю непуганых птиц» и «Колобок» и последующие — «Календарь природы», «Кладовая солнца», многочисленные рассказы и, наконец, тончайший, как бы созданный из утреннего света, прозрачной воды и тихо шумящих листьев «Жень-Шень», — полно поэтической сущности жизни.

Пришвин утверждает ее каждодневно, каждой своей строкой, каждым словом.

В этом его заслуга перед своим временем, перед своим неиссякаемо молодым народом и перед нашим будущим.

Сейчас Пришвину исполняется 80 лет. Он пришел к этому сроку жизни в таком юношеском задоре, с такой мудростью и зоркостью, что мы можем пожелать ему от всего сердца сохранить на многие годы эти необыкновенные качества человека и писателя. Мы благодарны Пришвину. И желаем ему неиссякаемой творческой радости. Радости от каждого нового дня, что синеет чистым рассветом за его окнами и заставляет молодо биться его горячее сердце. Радости от того, что впереди еще много встреч, дум и великолепного писательского труда.

Пришвин М. М. Избранные произведения в двух томах. М. 1951—1952 гг. Гослитиздат.

Тайны этих горных ущелий
Я поведаю миру.

У А. Гитовича:

В этих горных ущельях есть
необычайная тайна,
И о ней я хочу рассказать
просвещенному миру.

А. Гитович употребляет выражения вроде: «волшебное слово», «седая сказка». Такая лексика не свойственна Ай Цину.

В сборнике неправильно датировано стихотворение «Север», оно написано в 1938 году. «Разговор с углем» в сборнике без даты. Оно написано в 1937 году. В предисловии неверно названа книгой стихов поэма «К солнцу».

Следует отметить, что хорошо изданная книга стоит всего 1 руб. 25 коп.

В. ЕРМОЛАЕВ

ДВЕ КНИГИ ОДНОГО ПОЭТА

Когда мы читаем на обложке книги — «Избранное», то предполагаем, что в самой книге собрано действительно лучшее, действительно самое ценное из того, что написано автором. В **«Избранном»** безвременно умершего талантливого поэта **Павла Шубина** («Советский писатель», 1952) находим ряд его удачных стихотворений: «Сталинский солдат», «Разведчик», «Полмига», «Капель», «Наша земля» и другие.

Павел Шубин не только писал о силе и мужестве советских людей. Самый стих его — выражение силы и мужества. Стих этот упруг и мускулист, я бы даже сказал, он подтянут, как воин. Взять хотя бы начало «Шофера»:

Крутясь под «мессершмиттами»
С руками перебитыми,
Он гнал машину через грязь
От Волхова до Керести,
К баранке грудью привалясь,
Сжав на баранке челюсти.

И вновь заход стервятника,
И снова кровь из ватника,
И трудно руль раскачивать,
Зубами поворачивать...

Поэт много работал над языком, и в стихах его — чистая русская речь.

Можно спорить по поводу тех или иных стихотворений или строф поэта, но у Павла Шубина есть ряд несомненных удач, оцененных читателем, удач, мимо которых издательство при составлении «Избранного» не должно было пройти. Это такие стихи, как «Современники», «Заполярье», «Пакет», «Сверстница», «Рамонь», «Живая песня», «Санная дорога до Чернавска...» и ряд других. У каждого талантливого поэта есть свои «Баллады о синем пакете» и «Гренады» — золотой фонд творчества. Вот почему недоумеваешь и сетуешь, когда не находишь в шубинском «Избранном» лучших его стихов.

Спрашивается: по каким идейным или художественным соображениям издательство «Советский писатель» отказалось от действительно лучших, действительно удачнейших стихов? Поучительно сравнить «Избранное» в издании «Советского писателя» с книгой стихов того же Павла Шубина, выпущенной несколькими месяцами позже издательством «Молодая гвардия». В этой последней находим и «Современников», и «Сверстницу», и «Рамонь», и «Заполярье», и другое, действительно самое удачное и талантливое из написанного поэтом, хотя в издании «Молодой гвардии» книга на один печатный лист меньше книги, выпущенной «Советским писателем». Получается, что в книге одного издательства поэт более талантлив, самобытен, ярок, чем в книге другого издательства. Здесь, конечно, вина не поэта, а издателей. Вина, ничем не оправданная. Не было никаких оснований у «Советского писателя» отказываться от лучших произведений поэта.

Но дело не только в различии состава двух книг. Сличаем тексты тех стихов, которые помещены и в первой и во второй книге. В издании «Молодой гвардии» стихотворение «Утренний свет» заканчивается строфой:

И, может быть, счастливый я такой
Затем, что где-то, за степной лукой,
Есть городок над тихою Окой,
Одетый в синий полевой покой.

В «Избранном» «Советского писателя» эта строфа исчезла. А почему?

В посмертном «Отрывке из неоконченной поэмы» издательство «Советский писатель» сняло концовку — восемь хороших лирических строк, заменив их невиданными в нашей современной печати тремя рядами многоточий.

Отказ от наиболее ярких стихов поэта, произвольное отсечение строф... Для чего, во имя чего это делается?

Легко заметить, что не вошедшие в книгу «Советского писателя» стихи — это лирика, в отношении которой издатели проявили вид чрезмерной и опрометчивой осторожности, именуемой перестраховкой.

Лев ОЗЕРОВ

ЖИВОЕ СЛОВО

Книга **Бориса Палийчука «Есть на Волге утес»** (Гослитиздат Украины, 1952 г. 121 стр.), русского поэта, живущего и работающего на Украине, дает материал для серьезного разговора прежде всего о языке. Вся книга сделана на фольклорной, народно-речевой основе и уже благодаря одной этой особенности заслуживает внимательного рассмотрения.

Широчайшая демократизация языка поэзии характерна для поэтической работы большинства советских поэтов. Маяковский поистине открыл в своем творчестве все шлюзы живому, разговорному слову, максимально приблизил язык поэзии к языку народа. В этом великий поэт видел одну из своих первостепенных задач.

Каждый из советских поэтов решает задачу обогащения языка поэзии по-своему, и в том, как он это делает и в какой степени он это делает, проявляется его мастерство, его художественный уровень. Сила и свежесть поэтического голоса в огромной степени зависят от словесного материала.

Для книги Бориса Палийчука характерны стихи-монологи, в которых ведется рассказ от первого лица. Этот прием в поэзии труден, ибо произведение целиком строится на непосредственной разговорной речи. Поэт должен сохранить эту непосредственность и вместе с тем не упростить, не снизить качества стиха. В таких стихах, как «Рассказ колхозника», «Генерал», «На дороге» и многих других, соблюдено это условие.

Дымит цыгаркою дедок:
— Вот напиши, послушай,
Я для тебя, брат, приберег
Рассказ про этот случай.

И после приведенных строк идет рассказ «дедка» со всеми особенностями его речи, которые ясно обрисовывают характер рассказчика («Генерал»).

Но если речь в стихотворении идет и не от первого лица, а от имени самого автора, в строках все равно слышится то речь солдата («Сталинградская легенда»), то колхозника-партизана («Дума о трубке»). Живой, непринужденной интонацией пронизаны лучшие стихи книги «Есть на Волге утес». Непринужденностью, которая прекрасно сочетается с глубиной содержания, отмечено стихотворение «На дороге», написанное как рассказ шофера фронтовика. Здесь вся лексика и весь синтаксический строй стиха как бы передают подслушанную и записанную автором беседу. Стихи сохранили живость и ясность народной речи, а народная речь, в свою очередь, получила новое поэтическое звучание.

Когда поэт строит свои стихи на конкретном жизненном материале, то он находит и слова, соответствующие этому материалу, взятые из самой жизни. Там же, где поэт говорит «вообще», — там неизбежна риторика, псевдопоэтическая поза, там слово теряет свою жизненную силу. Таково, например, стихотворение «Октябрь», написанное в не свойственной Б. Палийчуку выспренней манере, таково стихотворение о Волго-Доне — интересно задуманное, но художественно не реализованное.

Поэма о шофере, едущем в Каховку («Днепровская повесть»), которой заключается книга, оставляет впечатление незаконченности, незавершенности. Слишком уж идиллически спокойно развивается действие поэмы, тогда как читатель, следящий за судьбой ее героя, хочет увидеть столкновение подлинных жизненных сил.

В целом же книжка Бориса Палийчука — живое слово своеобразного поэта, внимательно прислушивающегося к языку народа и видящего самую высокую поэзию в подлинной жизни и делах простых советских людей.

Леонид ВЫШЕСЛАВСКИЙ

„ШЕЛКОВИНКА"

Если бы человек пяти лет от роду знакомился с жизнью только по книжкам, которые читают ему мама или бабушка, он заключил бы, что мир населен главным образом домашними животными, птицами, зверями. Почему-то о них большей частью рассказывают детские писатели малышам. И очень хорошо, что Галина Ганейзер написала с другом — о том, как люди делают шелк.

«Шелковинка» Г. Ганейзер (Детгиз. 1952 г. 22 стр.), в сущности, научно-популярный очерк для дошкольников. Написан очерк добросовестно, со знанием предмета. Писательница подробно и обстоятельно рассказала о жизни гусениц — шелковичных червей, о том, как завивают они коконы, как эти коконы разматывают на фабрике, а затем, получив шелковые нити, люди ткут из них нарядные ткани.

Пожалуй, в этой чрезмерной обстоятельности, в увлечении производственными подробностями, в том, что писательница иногда уходит от предмета повествования, сообщая не идущие к делу сведения о гусеницах вообще, о бабочках вообще, — недостаток очерка. Очерк, думается, несколько затянут, а отсюда — скучноват. Местами и язык очерка чересчур литературен, лишен той простоты, разговорной интонации, какие обязательны в произведениях для малышей. Читая книжку Г. Ганейзер, невольно вспоминаешь классический рассказ К. Д. Ушинского «Как рубашка в поле выросла». В этом рассказе не только сведения о том, как растет лен, как превращается он в рубашку, но и радостное удивление первооткрывателя, которое всегда сопутствует познанию, особенно у маленьких. Рассказ Ушинского — поэтичен, книжка Ганейзер — только лишь полезна.

Что же до рисунков А. Изаксон и Г. Макарова, то и они страдают тем же недостатком. Почти все они скорее подошли бы для наглядного пособия, нежели для детской книжки.

Хочется пожелать писательнице, написавшей полезную книжку, чтобы следующие ее работы в этом важном жанре были исполнены поэзии.

Ефим ДОРОШ

НОВАЯ РАБОТА О КОЦЮБИНСКОМ

Издательства Украины не часто радуют читателей выпуском доброкачественных критико-биографических очерков и монографий, посвященных классикам украинской литературы. Следует приветствовать инициативу издательства «Радянська школа», выпустившего на украинском языке книжку **«Изучение творчества М. М. Коцюбинского в средней школе»** (Киев—Львов, 1952 г., 168 стр.), написанную **З. Коцюбинской-Ефименко** (племянница писателя). Эта книга тем более привлекает к себе внимание, что она выходит за рамки обычного школьного пособия, представляя собой во многом оригинальную исследовательскую работу, изобилующую ценными фактами и наблюдениями.

Книга значительно расширяет и обогащает наше представление о Коцюбинском — передовом писателе-демократе, друге Горького, одном из ближайших нам предшественников украинской советской литературы. Узнаем ли мы о том, что Коцюбинский изучал произведение В. И. Ленина «К деревенской бедноте», создавая свою знаменитую повесть «Fata morgana», или о том, как он выразил свое отношение к подлым писаниям буржуазного националиста Винниченко, сделав на его книжке выразительную надпись «Свинство»; или же как автор произведений «Под минаретами» и «В путах шайтана» разоблачал своими образами реакционную идеологию панисламизма, — мы убеждаемся, что эти факты и наблюдения являются существенно важными для понимания мировоззрения и творчества писателя.

Всей своей деятельностью Коцюбинский укреплял вековую дружбу русского и украинского народов. В книге хорошо показаны любовь и уважение писателя к передовой русской культуре, идейное единение Коцюбинского с ее лучшими деятелями. Автор приводит замечательные (кстати, до сих пор мало известные) слова писателя о необходимости тесной связи между двумя братскими литературами — русской и украинской. «...Совместное существование обеих родственных литератур, — писал он в газете «Волынь», — нам представляется могучим условием культурного роста обеих взаимно дополняющих одна другую народностей».

Автор делает верный вывод, что творческий рост писателя происходил «в борьбе с консервативными традициями украинской либерально-народнической националистической литературы и ее деятелями, а впоследствии и с декадентами-модернистами, идеологами социал-шовинизма на Украине».

Огромную роль в идейно-эстетическом развитии Коцюбинского сыграла его дружба с Горьким, у которого украинский писатель много и настойчиво учился. Именно благодаря влиянию творчества Горького реализм Коцюбинского все время развивался, обогащаясь новыми ценными чертами. В своих наиболее зрелых произведениях, написанных после революции 1905 г., писателю удалось ярко показать революционное движение масс, руководимых рабочим классом. В этой связи автор книги справедливо говорит о важном значении положительных образов, созданных Коцюбинским и воплощавших в себе пробудившееся сознание народа. «Вслед за Горьким, — пишет автор, — впервые в истории украинской литературы Коцюбинский создает образ сознательного рабочего — «социалиста» Марко Гущи, борца против капиталистической эксплуатации».

Убедительным анализом творчества писателя в свете важнейших социальных явлений эпохи автор доказывает, что оно развивалось в **горьковском** направлении. Однако тут же следует предостеречь З. Коцюбинскую-Ефименко от ненужных преувеличений и натяжек. Можно ли в согласии с истиной утверждать, что Коцюбинскому были во всем ясны «закономерности развития общественной жизни»? Или что положительные образы «Fata morgana» являются «первой ласточкой социалистического реализма в украинской литературе»? В подобного рода утверждениях сквозит ошибочная тенденция — отождествлять идейно-эстетические позиции писателя с позициями певца социалистического пролетариата Горького.

Конкретный разбор произведений писателя в книге, за немногими исключениями, сделан с любовной чуткостью к художественному слову, образу, детали. Примеры, приводимые автором, просты и доказательны. Несложная, кажется, штука — обратить внимание читателей, какими разными голосами говорят герои романа Коцюбинского, но школьный преподаватель, который это сделает, следуя книге, доставит ученикам радость подлинного открытия. В самом деле, какое разнообразие характеров: Марко Гуща говорил, словно «поток в половодье катил по реке камни и рвал берега»; Маланка «вышивала словами мудрёные узоры»; Хома Гудзь «бросал жгучие слова», у него «хриплый, простуженный смех»; кулак Пидпара «говорил медленно, тяжко, словно отсчитывая деньги».

Есть в книге отдельные ошибки и неудачные формулировки. Например, плодом упрощения является попытка усматривать в монологе Гафийки, обращенном к курам, ни более, ни менее, как ...«художественное отрицание лживых теорий «экономизма». Нечетко говорится об «идее» и «теме» произведения. Вообще, зоркого редакторского глаза книге явно недоставало.

Учтя эти недостатки, читатель вместе с тем почерпнет в работе З. Коцюбинской-Ефименко много полезного и ценного.

Л. НОВИЧЕНКО

АНГЛИЙСКИЕ СОЛДАТЫ ПИШУТ ИЗ КОРЕИ...

Ральф ПАРКЕР

Два солдата британской морской пехоты, взятые в плен более двух лет назад, когда они служили в войсках интервентов в Корее, прислали мне из лагеря военнопленных письмо. Два англичанина — Ундервуд и Ричардс — обвиняют правящие круги своей страны в том, что английских солдат, направленных в Корею, ввели в заблуждение относительно истинных целей англо-американской интервенции против корейского народа.

Они пишут: «Мы, два английских солдата, пробыли всего десять дней в Корее, когда 30 ноября 1950 года были взяты в плен китайскими народными добровольцами. Наш отдельный 41-й отряд британской морской пехоты был дислоцирован в Японии. Мы прибыли в Корею, чтобы сражаться против так называемой «коммунистической опасности», которая, как мы полагали, угрожает и нашей собственной стране. В Англии нас просто-напросто обманули пропагандистскими уловками и заставили поверить, что военные действия, в которых мы примем участие, будут направлены на уничтожение «опасности», угрожающей всему миру. Как видите, наши сведения из области политики оказались именно такими, на какие рассчитывали английские правящие круги: они были весьма ограничены.

С тех пор, как мы попали в плен, мы получили возможность узнать кое-что из того, что происходит по ту сторону «железного занавеса». Нам объяснили разницу между капиталистической и социалистической системой. Мы теперь хорошо понимаем, что войны бывают справедливые и несправедливые. **Мы ясно поняли, какой ошибкой было наше участие в этой войне в Корее** (подчеркнуто мной. — **Р. П.**). Мы знаем, что теперешнее правительство является послушным орудием в руках Соединенных Штатов. Наше мнение таково: Англия принадлежит англичанам, и, как многие другие англичане, мы не желаем, чтобы Англия превратилась в один из штатов Америки. Поэтому нам ясен наш долг: мы должны изгнать из своей страны американские оккупационные войска.

За последнее время стало известно много конкретных фактов, доказывающих применение американскими империалистами бактериологического оружия в Корее. Американские летчики, попавшие в плен, признали, что они сбрасывали бактериологические бомбы на территории Северной Кореи. Мы были потрясены, когда услышали об этом преступлении против человечества. Мы, рядовые английские граждане, стыдимся того, что наше правительство, участвуя в создании так называемых вооруженных сил Объединенных Наций, является соучастником этого чудовищного преступления. Предполагается, что в Корее ведутся мирные переговоры. Но совершенно очевидно, что американские делегаты, придерживающиеся тактики затягивания переговоров, не имеют искреннего желания восстановить мир в Корее. Самое страшное в этом то, что, пока идут эти переговоры*, гибнет так много людей. Это — отвратительно и подло».

Далее Ундервуд и Ричардс рассказывают в своем письме о том, что, находясь в лагере, они могли «понять такие проблемы, с которыми раньше были знакомы очень мало». В этом им помогло посещение лагеря известным английским юристом Джеком Гастером, членом делегации Международной ассоциации юристов-демократов, проводившей расследование злодеяний американских захватчиков в Корее, и лауреатом международной Сталинской премии мира Моникой Фелтон. Они пишут: «Встреча с этой мужественной женщиной глубоко воодушевила нас».

«Наконец, — продолжают они, — мы хотим сказать несколько слов об отношении к нам китайских добровольцев: оно безупречно. У нас прекрасное питание, помещение, одежда. Не было ни одного случая плохого обращения с нами. Мы занимаемся физическим трудом, и то, что мы делаем, идет нам на пользу. Большую часть времени мы посвящаем учебе. Мы очень благодарны китайским добровольцам за то, что они помогли нам выработать свою правильную точку зрения на события...

Нам бы хотелось узнать больше о Советском Союзе и о его народе. Мы много слышали о великих стройках коммунизма, которые осуществляются в Советском Союзе, и, пользуясь случаем, мы хотим послать советскому народу приветствие. Мы говорим ему: «Построив свою замечательную страну, вы совершили прекрасное дело. Желаем вам достигнуть в ближайшем будущем цели, к которой вы идете. Мы, вчера сражавшиеся против коммунизма, сегодня — за него. Мы уверены, что вы искренне хотите мира. Сегодня в борьбе за мир мы с вами и со всеми народами мира. Мир и дружба советского и английского народов являются сегодня жизненной необходимостью. Мы будем помогать добиваться мира и дружбы. Солдат морской пехоты Джон Ундервуд. Капрал Дж. Р. Ричардс. Лагерь военнопленных № 5. Корейская Народно-Демократическая Республика».

Мне кажется, что борцы за мир в Англии прочтут это письмо с радостью. В ответ они пошлют свой искренний привет двум людям — простым солдатам, присоединившимся к тем своим соотечественникам, которые начинают понимать, что они обмануты торговцами войной.

Во время пребывания в Корее известная деятельница движения в защиту мира, лауреат международной Сталинской премии Моника Фелтон посетила лагеря для военнопленных. НА ФОТО — **Моника Фелтон среди английских солдат и офицеров, взятых в плен корейской Народной армией.**

* Как известно, 8 октября прошлого года переговоры о перемирии были сорваны американским генералом Гаррисоном и с тех пор не возобновлялись.

НАША ВЕЛИКАЯ ДРУЖБА

Два года тому назад я имела счастье побывать в СССР.

В румынскую делегацию, посетившую Советский Союз, входила и ткачиха Мария Андрей. Передовиком она была и тогда: ее искусные, быстрые руки обслуживали одновременно три десятка станков. Всем нам было радостно смотреть в ее живые глаза: в них отражалось чудо снов, ставших явью.

Среди ткачих Трехгорки Мария Андрей казалась школьницей, жадно хотевшей все увидеть, понять, запомнить. И советские подруги не только объясняли, не только отвечали на ее вопросы, но непременно находили место для теплого, ласкового слова в деловой беседе. Я не забуду обращенных к ней слов: «Пожалуйста, обращайтесь к нам, когда будет нужно. Мы готовы помочь вам от всего сердца. Ведь нам радостна каждая ваша победа».

Мария Андрей привезла с собой на родину не только новые методы труда, новые навыки и теплую память о стране Советов. Она привезла еще и умение осмыслить новое, широкие горизонты, любовь к искусству.

Будучи в Москве, Мария отправилась однажды в Третьяковскую галерею. Ходила по залам, смотрела. И не могла оторваться от леса, написанного Шишкиным. Что произвело на нее такое впечатление? Краски, линии, свет, теплая сила жизни этого полотна? Лес был знаком ей с детства. Она сжала мне руку, шепнула: «Сколько потеряно в жизни, сколько еще предстоит увидеть!»

Я бы, пожалуй, и не вспомнила этой прогулки по Третьяковской галерее, если бы о ней не напомнила мне сама Мария Андрей. Как-то я зашла повидать ее. Она живет в новом многоэтажном доме. На окнах — легкие занавески, в комнате — мягкий свет зимнего дня. По радио передавали музыку. Вкусен был душистый кофе, смолотый ее быстрой и сильной рукой, уже научившейся управлять ста ткацкими станками.

Позвонил телефон. Хозяйку вызывал художник. Он писал ее портрет. Наш народ любит своих передовиков и хочет их видеть на полотне. Я прислушалась к разговору.

— Приду, — говорила Мария, — приду и завтра, но с одним условием... С условием, что вы продадите мне один из ваших пейзажей.

В Москве я еще не могла угадать, сколько времени пройдет с той минуты, когда она впервые с душевным волнением остановилась перед картиной Шишкина, и до этого дня, когда она хочет и может поместить на стене своей комнаты понравившийся ей в мастерской художника пейзаж. Обеими этими минутами Мария Андрей обязана Стране социализма.

«Когда будет нужно, обращайтесь к нам. Мы готовы помочь от всего сердца».

Эти слова ткачихи с Трехгорки как бы перекликаются с великими мыслями, заложенными пять лет тому назад в Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Советским Союзом и Румынской Народной Республикой.

Эти слова повсюду в нашей стране имеют живое воплощение. На нашей первой социалистической стройке, канале Дунай — Черное море, работает экскаваторщик по имени Зиа Омер. Он работает на советской машине. Без Страны социализма, без ожесточенной борьбы Румынской рабочей партии Зиа Омер и по сей день томился бы под игом двойного рабства — как турок и как батрак. Теперь его рука уверенно передвигает рычаги могучей машины, и он не только приближает Дунай к морю — он приближает и себя и нас к социализму.

Петре Форцу был безземельным неграмотным крестьянином. Теперь он — известный горновой-стахановец на новой домне в Хунедоаре. Он знает: без советского оборудования, без знаний инженера Трипшы, специализировавшегося в СССР, не было бы новой домны, а он, Петре Форцу, не имел бы новой квартиры в новом рабочем поселке.

Наши делегации, посещающие советские колхозы, приезжающие в наши села колхозники, их многолетний опыт, собранный в замечательных книгах советских писателей, самая передовая в мире советская наука — вот что несказанно помогает и румынской деревне строить новую, счастливую жизнь.

С братской помощью Советского Союза в Румынской Народной Республике создана и все более совершенствуется отечественная тракторная промышленность. НА ФОТО — **новый тип румынского трактора, производство которого освоено коллективом завода имени 23 августа, экспонированный на бухарестской выставке «Плановая экономика Румынской Народной Республики на подъеме».**

Снимок румынского агентства Аджерпрес

Несколько лет тому назад я побывала в селе Прибешты, расположенном в одной из широких и покойных долин Молдовы. Среди домишек крестьян, решивших начать жить и работать по-новому, высился 400-летний барский дом. Последний представитель помещичьего рода бежал, «резиденция» пустовала. Знаменитым в этой резиденции был погреб, устроенный как тюрьма для рабов-крепостных. Их избивали кнутом во дворе, а потом швыряли в узкую дверь погреба... На застенке держался помещичий дом. Мне казалось, что передо мной — самая основа буржуазного общества.

Прошло три года. В усадьбе теперь мичуринская лаборатория. Подвал приспособлен для хранения семенного фонда. Среди работников опытной агрономической станции немало людей, которые хорошо помнят, как их близких бросали в этот подвал после нечеловеческих побоев. И, может быть, они, спускаясь по ступенькам, слышат отзвук стонов. Но теперь, когда освобожденный народ в борьбе прокладывает себе путь к социализму, эхо отзвучавших страданий заставляет работать еще упорнее, еще настойчивее строить светлую жизнь.

Петре Форцу, Мария Андрей, Зиа Омер — только несколько имен. Но таких, как они, — миллионы, весь наш трудовой народ, благодаря Советскому Союзу завоевавший себе право на жизнь, строящий эту жизнь, меняющий облик родины.

Несколько веков назад один из румынских летописцев написал: «Не время покорно человеку, но слабый человек покорен времени». Для века угнетения это изречение, может быть, и было верным, оно звучало, как вздох. Но с того дня, когда Великая Октябрьская социалистическая революция показала миру, что мечты трудящегося человечества могут стать реальностью, определилась цель, к которой следовало итти. Ведущая сила общества — рабочий класс увидел свой путь и в нашей стране, создал и у нас партию, способную руководить борьбой за достижение этой цели.

Благодаря советской помощи и неустанной борьбе Рабочей партии мы меняем карту родины. Там, где вчера была безводная степь, потекут воды канала. Там, где только шумела и пенилась Бистрица, завтра раскинется море Биказа и заработает могучая гидроэлектростанция имени В. И. Ленина. На месте грязных пустырей высятся рабочие поселки, заводы и фабрики. Века прошли над страной и не изменили ее так, как изменили наши несколько лет.

Ни в труде, ни в радости мы никогда не забываем, что это гигантское переустройство не было бы возможно, если б Советский Союз, как маяк, не указывал нам путь, если б мы ежеминутно не чувствовали рядом с собой братское присутствие и помощь нашего великого друга, первого защитника мира — Страны социализма, мудрого вождя и учителя И. В. Сталина.

Вероника ПОРУМБАКУ,
румынская писательница

БУХАРЕСТ

КОММЕНТАРИИ ИЗЛИШНИ!

Английская буржуазная газета «Пипл» в № 3699 поместила заметку, озаглавленную **«Стоимость охраны безопасности фашистов».**

В ней сообщается:

THE PEOPLE

Cost of keeping Fascists safe

A police car escorted a Fascist Union loudspeaker van as it drove away after a meeting at Salisbury City Centre last night.

It is expected that at the next meeting of Salisbury Council there will be questions about the public money spent in protecting Fascists during the past few months

«Полицейская машина сопровождала оборудованный громкоговорителем автомобиль фашистского союза, уезжавший после митинга, который состоялся вчера вечером в центре города Сэлисбери.*

Ожидают, что на следующем заседании муниципального совета Сэлисбери будут заданы вопросы относительно общественных средств, израсходованных для охраны фашистов в течение последних нескольких месяцев».

Комментарии излишни!

* Организация английских фашистов. — **Ред.**

По страницам печати

«Сабад неп» — Венгрия,
«Живот» — Чехословакия

ДВЕ НАГРАДЫ

Степная даль в пшенице золотой,
Где марево колдует в летний зной
Игрой туманных, призрачных картин!
Вглядись в меня! Узнала? Я — твой сын!

Эти стихи Шандора Петефи не выходили из головы венгерского артиста-эмигранта Шандора Швед, когда после второй мировой войны он плыл через океан, решив побывать в родной свободной Венгрии.

«Родина встретила тогда меня руинами, — писал он, как сообщает газета **«Сабад неп»**, нью-йоркскому коллеге, артисту Метрополитен оперы Джесси Берлингу. — **А два года тому назад, когда я совсем вернулся на родину, я увидел новый мир. Кварталы новых домов, новые заводы выросли словно из-под земли, и нигде не увидишь и следа войны. Сила нашего народа все отстроила заново. И сегодня я вспоминаю последнюю строфу упомянутого стихотворения Ш. Петефи:**

О, где еще земля так хороша?
Здесь мать кормила грудью малыша,
И только на родимой стороне
Смеется, словно сыну, солнце мне».

С гордостью пишет Шандор Швед о мирном созидательном труде венгерского народа, о радости служить искусству, которое принадлежит народу.

«У нас не знают теперь, что такое театральный кризис, а искусству оказываются такие почести, о которых оно не имело никакого понятия прежде. На моем письменном столе — две грамоты, две награды, которые постоянно напоминают мне об этом. Я получил эти награды от венгерского народа. Первая — это грамота о присуждении мне Государственной премии им. Кошута, вторая — свидетельство о присвоении мне почетного звания Народного артиста Венгерской Народной Республики».

Венгерский певец сообщает американскому артисту об испытанной им на родине радости жить и творить во имя мира и благополучия всего человечества и счастья родины, чему посвящает свой труд народ свободной Венгрии.

НА «ПЛОТИНЕ МОЛОДЕЖИ»

Недалек час, когда бетонная стена «Плотины молодежи» — этой величественной стройки новой Словакии — перехватит реку Ваг и заставит ее приводить в движение турбины, орошать крестьянские поля.

«На холме, поднимающемся над долиной реки, — пишет журнал **«Живот»**, — **раскинулись многочисленные корпуса жилого поселка «Молодая гвардия». На одном из домов вывеска: «Государственные курсы по подготовке трудящихся в высшие школы». Здесь живут и учатся, готовясь к поступлению в вузы республики, молодые рабочие — лучшие строители «Плотины молодежи».**

По вечерам в пахнущие свежей краской комнаты приходят после работы на занятия юноши и девушки, будущие специалисты.

«Я — из рабочей семьи, — говорит со страниц журнала Иозефка Гулинова из Странского. — **В старой Чехословакии наша семья никогда не имела достатка. Приходилось работать не только родителям, но и нам с братом. А мне давно хотелось учиться. Только в свободной Чехословакии я осуществила свою мечту».**

Иозефка Гулинова и ее подруга Бетка Валахова решили стать инженерами-строителями.

«Я привыкла помогать родине везде, где это нужно. Поэтому я здесь, — говорит Бетка. — **Хочу быть похожей на Феню, героиню романа Федора Гладкова «Энергия».**

Акад. Г. АЛЕКСАНДРОВ

Американские наемники в мантиях английских профессоров

Факты последнего времени с огромной силой подтверждают классический марксистский анализ современного капитализма, данный товарищем Сталиным в его труде «Экономические проблемы социализма в СССР» и в исторической речи на XIX съезде партии. Остервенелая борьба правящих кругов реакционных классов капиталистических стран, и прежде всего США, против демократии и социализма, за развязывание новой мировой войны с целью завоевания мирового господства американскими империалистическими хищниками пронизывает не только всю политику, но и всю идеологию современной буржуазии. Об этом красноречиво говорят опубликованные недавно в наиболее черносотенных американских журналах статьи профессора политических наук Кембриджского университета Дениса Брогана и небезызвестного английского историка проф. Арнольда Тойнби. Первый пишет об «Иллюзии всемогущества Америки» («Харперс мэгэзин», декабрь 1952 г.), второй — о «Следующем шаге истории» («Лук», ноябрь 1952 г.).

Статьи Брогана и Тойнби характерны холуйским угодничеством перед теми, кто вершит внешнюю политику США. Из текста статей нельзя уразуметь, что авторы — англичане. Это — американские содержанки европейского происхождения. Свое национальное достоинство и интересы своих стран они продали за доллары. Неудивительно, что эти «профессора» дают соответствующие рекомендации своим хозяевам по другую сторону океана: о том, как им восстановить подмоченный ныне «авторитет» у населения Европы, как замять провалившуюся авантюру в Корее, как изыскать «верный» путь для американских монополистов к завоеванию мирового господства.

«Профессорам политических и исторических наук» не резон сразу брать быка за рога. Слишком очевидно будет их лакейское прислужничество перед Уолл-стритом. Они начинают поэтому издалека: Броган для пущей важности усомнился, действительно ли так могущественна Америка, как ее изображают некоторые выкормыши финансовых воротил? Но, усомнившись, сам же принялся опровергать себя. Тойнби подошел к делу с другого конца: что бы мы ни предпринимали, рассуждает он, мы не можем уклониться от того, что нас неизбежно ожидает. Надо только выбрать «хорошую мощеную дорогу», и тогда можно целехонькими притти к цели.

Что же представляет собою эта цель? Каковы средства ее достижения, рекомендуемые хитроумными мужами из английских ученых обществ?

Чтобы ответить на вопрос, какова цель жизни человека и цель политики правительства США, Тойнби решает для начала не менее интересующий его вопрос — что такое жизнь. Советскому человеку, видящему цель жизни в служении своему народу, Родине, в строительстве свободной и счастливой жизни, трудно поверить, какую мерзкую мораль преподносит со страниц печатного органа «профессор» истории. Дадим слово Тойнби: «Частная жизнь человека — это, как правило, не сплошная катастрофа и не сплошное блаженство. Это скучная повесть о том, «как одна гадость сменяла другую», и у нас нет никаких оснований думать, что наша общественная жизнь должна быть иной».

Тойнби дал столь гнусное определение жизни неспроста. «Логика» сего «историка» очевидна: если жизнь есть «смена гадостей», стоит ли англичанам протестовать против гадостей, насаждаемых американскими солдатами на Британских островах, американскими банкирами и коммерсантами в колониях и доминионах Великобритании?

Такой взгляд на жизнь возник у Тойнби не только под влиянием пинков пьяных американских солдат, орудующих на Британских островах. Как люди, изощренные в политике, Тойнби и Броган хорошо понимают, что современное развитие общественных сил сложилось не в пользу американского и английского империализма. Широкий размах всенародной борьбы в колониальных и зависимых странах против иноземных угнетателей вынуждает даже этих прожженных политиканов признать, что произошла «перемена к худшему в нашем общем положении» и пришло время «отказаться от попыток попрежнему сидеть на головах других народов» (Тойнби).

Что же заставило американских наемников, напяливших мантии английских профессоров, разразиться такими малоутешительными тирадами? Они сами дают ответ на этот вопрос, оценивая политику США и с огорчением отмечая ее провал в прошлом, тупик в настоящем и бесперспективность в будущем. Что касается настоящего, то прежде всего их волнует полный провал американских интервентов в Корее. Броган считает войну американцев в Корее с точки зрения потерь «третьей по серьезности войной за всю историю Америки». И, главное, «несносные» корейцы не дают спуску «могущественной Америке», упорно не желают, чтобы американские изверги надели им железные наручники и заставили вечно нести рабскую долю на полях и рудниках под плетью американских надсмотрщиков. Мало того, они нанесли американским интервентам «одно из самых унизительных в истории Америки военных поражений» (Броган). А ведь всем памятно то недавнее «золотое время», когда и американцы и англичане «были господами всего существующего», захватив для себя лучшие из уголков мира, навязав свое «экономическое и политическое господство большей части Африки и обширным районам Азии». «Сегодня дело принимает другой оборот», — сокрушенно восклицает Тойнби.

Броган приходит на выручку Тойнби и поясняет, в чем именно дело приняло другой оборот: разгром клики Чан Кай-ши китайским народом вызвал в США замешательство и переполох; «план Маршалла не принес победы над французскими коммунистами», как и не «обратил на путь истинный» «район Италии»; население Германской Демократической Республики никак не хочет и не будет «приветствовать лозунги, подходящие для Цинциннати или Оклэнда»; одним словом, жизнь опрокинула представления англо-американских банкиров и заводчиков, будто «мир пойдет американским путем».

Английские профессора приводят факты, характеризующие провалы агрессивной американской политики, отнюдь не в целях ее критики и разоблачения. Они и не помышляют об этом. Свою задачу они видят в обосновании еще более авантюристической агрессивной политики. Они исходят из того, что империалисты США будут воевать за мировое господство, а поэтому многие годы «попрежнему будет литься кровь» (Тойнби), что для удержания господства капитала и удушения освободительного движения народов «благодетельная» американская мощь должна «быть использована с наибольшей пользой» (Броган).

У Тойнби и Брогана, как заклятых врагов мира, уже готов и план использования «американской мощи».

Первым пунктом этого плана должно быть **полное уничтожение национального суверенитета всех стран и народов** и подчинение их диктату США. Зачем европейским странам жить «в 40 отделениях, за непроницаемыми перегородками», когда можно признать господство США, и дело с концом! Тойнби прямо с бесстыдством потаскухи предлагает англичанам, французам, итальянцам, бельгийцам, голландцам плюнуть на независимость своих стран, на культуру и традиции своих народов. И зачем только «наше западное сообщество тратит сегодня около трех четвертей своей политической энергии», отчаянно борясь за сохранение национальных государств, «ставших сейчас не только бесполезными, но и опасными для нас?» — вопрошает Тойнби. Дабы не оставалось сомнений, что речь идет о ликвидации национального суверенитета европейских стран ради выгод американских империалистов, политический единоутробник Тойнби — Броган ставит все точки над и: «Подобно Бертрану Расселу, я охотно удовлетворился бы американской гегемонией», вещает сей атлантический «мудрец».

Практическая политика правительств буржуазных европейских государств, продающих свои страны оптом и в розницу американцам, и идеологическое оформление этой политики людьми вроде Тойнби и Брогана убедительно подтверждают глубокую характеристику современной буржуазии, данную товарищем Сталиным на XIX съезде партии: буржуазия продает права и независимость нации за доллары.

Второй пункт программы Тойнби — Брогана, рекомендуемой ими для американцев, это **система мер по дальнейшему удушению демократических свобод.** Как и положено у фальсификаторов истории, подавление демократии выдается ими за ее развитие.

Тойнби ратует за такое будущее устройство, в котором народы, полностью потеряв государственный суверенитет и окончательно попав в лапы американских империалистов, образуют одно «сверхгосударство» под управлением американских магнатов. При этом каждая страна, на которую хотят надеть петлю, должна «на практике доказать свою способность к демократии». Но эта «практика» особого рода. Здесь нет и намека на подлинную демократию. Оказывается, что народы должны взять пример устройства своей внутренней жизни с полицейско-феодально-тюремного государства — Турции! Тойнби пишет, что Турция ясно продемонстрировала свое право находиться в услужении у империалистов США, «осуществив демократический подвиг» — удушив все остатки демократических свобод.

Так практика и идеология врагов демократии и свободы вновь и вновь подтверждают слова великого Сталина о том, что буржуазия потеряла связи с народом и выбросила за борт знамя буржуазно-демократических свобод.

И, наконец, надо упомянуть о третьем пункте рекомендаций английских профессоров: это система тех мер, которые помогли бы **удержать в покорности народы колониальных и зависимых стран.**

Тойнби и Броган крайне удручены тем, что народы перестают верить в ложь буржуазных политиков и идеологов, а трудящиеся стран Азии и Африки, составляющие огромное большинство населения земли, вышли, либо все решительнее выходят из подчинения англо-американских монополий. Не имея возможности вновь обратить в рабство народы, завоевавшие себе свободу, эти господа считают «законным» и «естественным» грабить и разорять те страны, куда англо-американские монополии вторглись со своими товарами и капиталами, армиями, полицейскими и чиновниками. Тойнби рекомендует во что бы то ни стало «удерживать ряд военных границ».

О каких же границах идет здесь речь? О Ламанше для Англии, границе с Канадой для США или с Испанией для Франции? Конечно, нет! Не о защите своих границ мечтают эти авантюристы. «На память американцу первой придет граница, пересекающая Корейский полуостров — современный Адрианов вал, — пишет Тойнби. — Француз прежде всего вспомнит об Индо-Китае, а англичанин — о Малайе». Тойнби призывает к продолжению кровавых преступлений американских извергов и их европейских сообщников: «Нам необходимо совместно принять меры на тот вероятный случай, что эти фронты придется оборонять многие-многие годы». От кого, собственно, оборонять Корею? От корейцев. Малайю — от малайцев. Вьетнам — от вьетнамцев!

Этот пример еще и еще раз подтверждает гениальные слова товарища Сталина о современной буржуазии: она растоптала принцип равноправия людей и наций и заменила его принципом полноправия эксплуататорского меньшинства и бесправия эксплуатируемого большинства граждан.

Псевдоученые лакеи империализма видят «следующий шаг истории» в установлении американского господства над миром. Но в мозгу даже этих кретинов от науки и денежного мешка бывают порой проблески реальности, и тогда они во всеуслышание, как это сделал Броган, заявляют: «Если бы даже американской политикой руководили Ришелье или Бисмарк, все равно такое же разочарование, как сейчас, должно было в известной мере возникнуть, ибо... очень многое в мире происходило и происходит своим путем», т. е. независимо от взглядов американцев.

Что верно, то верно. Случается иногда и американским наемникам в мантиях английских профессоров высказывать истину!

Главный редактор К. СИМОНОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62; разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — К 0-75-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30.

Б01209.